

Александр Медведев
Тимур Новиков

БЕЛЫЙ ЛЕБЕДЬ
Король Людвиг II

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1845 году Рихард Вагнер написал либретто знаменитой оперы «Лоэнгрин». По случайному совпадению или же по велению свыше в этот же год родился принц Людвиг Виттельсбах. Через восемнадцать лет он становится Людвигом II, королем Баварским и сразу же приглашает Вагнера в Мюнхен и создает все условия для того, чтобы музыкальный гений мог творить во славу Божественной красоты. Их судьбы тесно переплелись. В них обоих жили черты сказочного Рыцаря Лебедя. И композитор, и король сознавали бесплодность своих усилий быть понятыми современниками, они творили для вечности.

Вагнер много размышлял о трагедии артиста в современном мире. Для него юный король явился живым воплощением легендарного Лоэнгринга. И сам Людвиг II чувствовал, что он, подобно пришельцу из мифа, осужден на исчезновение, если не встретит непогрешимой веры в абсолютную красоту, которая одна только может возвысить до его чувств прозу окружающей жизни.

Увы! – в этом мире такой веры нет. Познавшие высшую любовь, посвященные служению красоте, обречены до конца дней сохранять самый высокий вид эгоизма – сознание своей избранности.

Мир грубо мстит идеалистам, опровергающим своей жизнью стойкое убеждение, будто есть только одно божество, достойное изваянья и молитв – золотой телец. Только родственные души, способные понять, почувствовать, поверить, что есть миры, где существует то, чего не может быть в мире низменной жизни, – только они способны оказать поддержку друг другу и дать надежду.

Когда Вагнер писал своего «Лоэнгринга», Франц Лист ободрял его, призывал отбросить все, что мешает земному созданию воспарить так высоко, как только оно может:

«...пусть не будет начертано у тебя другой программы, – писал Лист Вагнеру, – кроме программы, данной капитулом Севильи архитектору, строившему кафедральный собор: “Построй нам такой храм, при виде которого последующие поколения сказали бы: капитул был сумасшедший, если он решился на такое необычайное предприятие!” И вот все же кафедральный собор Севильи и поныне устремляет к небесам свои башни».

Художник всей своей жизнью опровергает законы притяжения обыденного, то есть, пошлого. По большей части он остается непонятым своим временем. Людвиг Баварского, последнего короля-романтика, не уступающего по дерзости замыслов капитулу и архитектору севильского собора, химера современности назвала сумасшедшим. Возвышенное в искусстве и жизни часто пугает людей, пугает сравнением с их жалким существованием, не знающим идеалов. Возвышенное укоряет. Его гонят. Мир ограждает себя от безумцев, навевающих ему золотой сон. Для этого появились изощренные способы, современная наука о человеческой душе, например.

Сегодня доверчивым и простодушным все расскажет о душе «венский шарлатан» (определение В. Набокова) – Фрейд, продолжатель дела доктора Гуддена. Чуть раньше движения души объяснял Макс Нордау. Уже в начале XX века он предвидел, что в жизни будущих веков искусство займет незначительное место. Развитие человека идет от инстинкта к сознанию, от эмоции к суждению, а потому интуиция художника в глазах ученого – лишь смутная мысль, ее значение низшее, в сравнении с рациональной идеей. Ученый предсказывал крах фантазии и победу научного наблюдения над

действительностью. Культурный человек посвятит себя накоплению фактов, а искусство достанется эмоциональной части человечества: женщинам, юношеству и детям. Если Людвиг Баварского или Вагнера оценивать с этой точки зрения, то убеждения подобных господ окажутся отсталыми, все увидят, что они придавали искусству преувеличенное значение. Попросту, эти деятели предавались ремеслу увеселителя публики с важностью педантов и грешили чересчур смелыми замашками пророков.

Прошло время, и мы видим, что вопреки всем предсказаниям самодовольных ученых, «расщепивших» душу художника, творения рыцарей красоты «и поныне устремляют к небесам свои башни», продолжая оставаться для людей притягательной загадкой.

1

Людвиг II Баварский происходил из древнего рода Виттельсбахов. История рода полна преданий о рыцарских подвигах. В XII веке пфальцграфу Оттону фон Виттельсбаху Фридрих Барбаросса присвоил титул герцога Баварского. Героические наклонности Виттельсбахи издревле сочетали с покровительством науке и искусству. Иоганн фон Виттельсбах в 1422 г. пригласил в Мюнхен живописца Ван-Эйка.

Многие из Виттельсбахов проявили себя последовательными любителями прекрасного, продолжая установившуюся традицию, но некоторые из них были в этом отношении новаторами и изящному уделяли внимания не меньше, чем государственным делам. Двор герцогов Баварских стал одним из великолепнейших дворов Европы. И везде, где бы ни обосновывался кто-нибудь из рода Виттельсбахов, начиналось грандиозное строительство. Так было в Нойбурге на Дунае, где Оттхайнрих, курфюрст фон дер Пфальц в XVIII веке возвел замок в ренессансном стиле с руинами, он же построил замок Оттхайнрихсбау в Хайдельберге. В Вестфалии строительство развернул Иоганн Вильгельм, курфюрст фон дер Пфальц. В Бенсберге он построил Нойе Шлосс с великолепной картинной галереей, по его плану это должен был быть “Super-Versailles”. Его брат курфюрст Карл Филипп также показал себя зодчим. По сравнению с планами Иоганна Вильгельма, проект Манхаймского замка Карла Филиппа менее фантастичен, по фасаду замок имел длину всего 600 метров, в нем предполагалось только 450 комнат и 1500 окон.

В то время как немецкие Виттельсбахи строили замки, их шведский родич задумал построить империю. Карл XII принадлежал к этому роду по княжеской линии Цвайбрюкен-Клеебург. Его «замки» это 18 побед в сражениях с датчанами и русскими, 22 похода в Польшу, двадцатый закончился взятием Варшавы, это победа над Саксонским князем Августом Сильным и великолепные «руины» – поражение в 1709 году от «полтавского архитектора» – русского царя Петра I.

Бавария, описываемого нами времени, представляла собой картину мирного развития культурных сил страны. Взаимоотношения между правящей династией и народом представляли искреннюю преданность к ней со стороны народа и уважение двора к свободе и независимости своих подданных. Максимилиан I, получив свой королевский титул от Наполеона I, в 1818 году дал своему народу конституцию, и последующая революционная эпоха, будоражившая Европу, для Баварии оказалась спокойной. Баварцы любили и уважали свой королевский род, здесь более, чем где бы то ни было, оказался силен монархический принцип. В свою очередь, и от королей баварцы требовали преданности народным интересам и исполнения своих обязанностей. Понимание красоты у баварцев и у их королей не всегда совпадало, из-за чего иногда между ними возникали разногласия.

2

В 1825 году на Баварский престол вступил Людвиг I, дед Людвиг II. Этот король в полной мере испытал, что значит недовольство народа. Его юность прошла в любви к искусству, в сочинении стихов, занятиях живописью. Царственный юноша преклонялся

пред античностью: путешествуя по Италии, Испании и Греции, он пополнял свои собрания искусства картинами и статуями. Став королем, он решил превратить Мюнхен в лучший город Германии, чтобы никто не мог сказать, что знает Германию, не побывав в Мюнхене. И это было под силу королю, который в своем развитии был много выше даже представителей высшего баварского общества. Он жил широко, окружив себя художниками, одновременно настойчиво и со вкусом осуществляя сложные планы государственного строительства.

Через сто лет после начала правления Людвига I один известный политический деятель, рассматривая вопрос объединения Германии, обратил внимание на ту роль, какую в нем сыграли монархические династии. Он заметил, что там, где монархическая форма правления была уничтожена, это неизбежно приводило к уменьшению значения этих государств, подчеркивая, таким образом, укрепляющее значение монархии.

«Возьмем Баварию. Больше всех для Баварии сделал Людвиг I. Он был деятелем великогерманской ориентации и в то же время являлся настоящим другом искусств. Людвиг I обратил внимание в первую очередь на усиление культурных позиций Баварии, а вовсе не на специальное усиление ее государственной самостоятельности.

Именно этим путем он укрепил позиции Баварии куда лучше и прочнее. Мюнхен был в ту пору еще малозначительной провинциальной резиденцией, но Людвиг I сумел превратить ее в большую метрополию германского искусства. Именно на этих путях он создал крупнейший культурный центр, притягивающий к себе еще и теперь. Великим городом Мюнхен сделал король, который превратил этот город в художественную жемчужину, настолько примечательную, что не заметить ее не мог никто и все должны были начать относиться с достаточным уважением к такому центру.

Мы не можем забывать этого урока. В будущем самостоятельность отдельных государств, по моему мнению, будет лежать в культурно-политической области, а не в чисто государственной». (Адольф Гитлер. Моя борьба. М., "Витязь", 2000. С. 484)

Нет ничего странного в том, что между пониманием значимости культуры и монархической традиции в деле укрепления государства и реальными действиями в этом вопросе у Гитлера, а это его слова мы процитировали, лежит пропасть, с которой не может сравниться ни одно альпийское ущелье. Монархия – тысячелетняя традиция, освященная богопомазанием, отвергает любые радикально-революционные броски, в мгновение ока изменяющие общественный уклад и сознание людей и ей чужд вождизм, прельстивший Гитлера. Глубокое чувство народа к своему монарху подобно мерному пламени, дающему ровное тепло, а экзальтированное поклонение вождю – вспышка, взрыв, уничтожающий и огонь, и сам очаг.

Если же коснуться той области искусства, о которой мы не мало будем говорить в этой книге – театра, – то в лице революционера Гитлера можно увидеть победу венской оперетки над мюнхенской оперой.

Попытки опереточного миропонимания громко заявить о себе начинались в Баварии как раз во времена Людвига I.

Мюнхен Людвигу I обязан тем, что по праву стал третьим в Европе центром искусства. Это был «виттельбахский Рим», говорили современники. Однако Глиптотеку, которую он построил, будучи еще наследником, враги королевской династии называли «дурацким домом кронпринца». Очевидно, Лео фон Кленце, архитектор Глиптотеки, дал к тому повод двумя возвышающимися дорическими пропилеями, которые, собственно, держат ансамбль зданий Глиптотеки. Не жаловали они и две Пинакотеки, построенные им на личные средства, их ничуть не интересовали картины, приобретенные Людвигом I и стоившие ему больших денег.

Не находил сочувствия у некоторых подданных и наплыв в Мюнхен иностранных художников и артистов, дружбой которых окружил себя король. Благодаря особому расположению к Людвигу I баварцы все же сдерживали недовольство тайных сил многочисленными «проектами» короля.

Главными противниками короля издавна были иллюминаты, с ними активно боролись еще его предки. Одному из них, курфюрсту Карлу-Теодору удалось запретить это тайное общество по его указу от 22 июля 1784 года, но, несмотря на это деятельность иллюминатов продолжалась.

О могуществе этого ордена можно судить по тому, с каким рвением все гроссмейстеры немецких орденов – во главе с самим герцогом Брауншвейгским – добивались чести стать минервалами, так называлась нижняя ступень иллюминатов. Позиции иллюминатов в Баварии оказались особенно сильными, именно в ней по инициативе профессора Ингольштадтского университета Адама Вейсгаупта (1748–1830) и был основан орден в качестве противовеса иезуитам. Уместно одно немаловажное замечание. Тайный орден возник не где-нибудь, а в Баварии, традиционно ревностно относящейся к национальной и монархической идее. Его образовали с целью сделать все, чтобы «монархии и нации исчезли», как записано в постулатах иллюминатов.

Изощренная конспирация легла в основу их деятельности. Иллюминаты вводят в обиход свой внутренний календарь с особыми названиями для месяцев и дней недели, персидское летоисчисление и особые названия для государств и городов. Вену иллюминаты называли Римом, Австрию – Египтом, Мюнхен – Афинами, а Баварию – Ахайей. К иллюминатам–просветителям – причисляли таких врагов монархического строя, как граф Мирабо, писатель маркиз Казотт, знаменитый химик Лавуазье и Робеспьер. Члены ордена, «просветленные», взяли за правило, обращаясь друг к другу, пользоваться заимствованными именами. Вейсгаупт назывался Спартаксом, а его ближайший сподвижник барон Адольф фон Книгге – Филоном. Книгге заявлял, что посредством «благотворного обмана» и строгой конспирации ордену удастся объединить все немецкое масонство, уничтожить все монархии и религии, а во главе мира поставить «мага», обладателя высшей иллюминатской степени.

Тактика иллюминатов сводилась к тому, что они освещали в выгодном свете цели ордена и бросали непроницаемую тень на своих противников, очерняя их и их деятельность в глазах общества. Во время правления Людвига I в результате заговора иллюминатам удалось привлечь на свою сторону мюнхенцев, и в Баварии в памятном европейцам революционном 1848 году тоже появились баррикады. С той разницей, что воздвигнуты они были ненавистью, направленной не против короля, а против его любовницы, танцовщицы Лолы Монтез. До короля Людвига I Лола Монтез успела покорить сердце Принца Прусского, будущего Вильгельма I и князя Рейсского, обладателя самого маленького государства Германии.

В результате Людовиг I отрекся от престола и на долгие годы уехал в Италию, умножив собой число странствующих художников. Внезапное отречение короля обескуражило и даже огорчило население Баварии.

Сын Людвига I, Максимилиан II воплощал идеал среднего баварца-интеллигента. Вступив на престол, он завоевал общие симпатии своей скромностью, трудолюбием и бережливостью. Он почтительно относился к искусству и науке, сам писал трактаты на философские темы, переписывался с Шеллингом, пригласил в Мюнхен Либиха, Ранке и других известных деятелей своего времени. Король сделал своей главной задачей «создание из Баварии культурного государства» и по мере сил шел к поставленной цели.

Возможно, через непродолжительное время Максимилиан II увидел бы плоды своих усилий, но судьба распорядилась иначе: всегда бывший человеком чрезвычайно сдержанным, король, подвергнутый длительному воздействию колдовства, которого не чурались иллюминаты-«просветители», в итоге не смог ему противостоять, заболел одним из видов прогрессирующей депрессии и в возрасте пятидесяти двух лет умер.

3

В 1845 году у Баварской королевской четы, Максимилиана II и его жены Марии Прусской, родился сын Людвиг. Потомок Виттельсбахов получил от отца сдержанный и

замкнутый нрав; от матери унаследовал редкую красоту; его дед, король-художник Людвиг I, одарил его независимостью и оригинальностью наклонностей; будущий король Людвиг II вообрал в себя отличительные признаки многих своих предков – гордый нрав и влечение к искусству.

С самых ранних лет сыновья Максимилиана II Людвиг и Отто, родившийся в 1848 году, должны были готовиться к своим будущим государственным обязанностям. Им предстояло сохранить в себе рыцарский дух Виттельсбахов. В заботе о развитии у детей тяги к прекрасному, Максимилиан II установил точное распределение времени между занятиями и гимнастикой. Он не останавливался перед суровыми наказаниями за малейшее отступление от установленной им программы, на этом строилась основа его воспитания. Мальчики были отдалены от родителей. Детскую привязанность Людвигу, няню Лизе, вскоре заменили французенкой. В воспитании сыновей баварского короля она придерживалась традиций Бурбонов, предпочитая ее бюргерской простоте двора Максимилиана II. Она непрестанно рассказывала Людвигу о Франции, о «Короле-Солнце», о великолепии его двора, величии власти и покорности подданных. Эти рассказы возбудили в Людвиге интерес к Людовику XIV и подражание ему. «Кронпринц всегда и во всем первый», слышал он со всех сторон. «Ты будешь королем», постоянно напоминал ему отец. «Ты мой вассал и должен мне подчиняться!», так заявлял Людвиг младшему брату.

Биограф Людвигу II, Готтфрид фон Бём, отметил необычайную даже для королевского отпрыска осанку кронпринца. Голова у Людвигу была всегда слегка откинута назад, он никогда не опускал ее. Людвиг не имел привычки упираться взглядом в землю и такая манера держаться также показывала его устремленность к возвышенному. Внешне сдержанный, подверженный миру ранних грез и гордых желаний, Людвиг шел дорогой одиночества.

Мечты о королевском будущем определили приоритет, отдаваемый Людвигу в изучении гимназического курса. Он изучал естествознание, математику и древние языки, – все те предметы, которые настоятельно рекомендовал ему к изучению Максимилиан II. Мюнхенский университет, в котором стал учиться Людвиг, находился под высочайшим присмотром короля. Максимилиан хотел, чтобы Людвиг получил университетское образование и в процессе обучения более полно познакомился с жизнью. Из-за смерти отца и принятия на себя королевских обязанностей Людвигу не пришлось закончить университет.

Особенно привлекало внимание Людвигу история отечества и литература. На воображение царственного отпрыска оказывали большое впечатление величественные залы Мюнхенской Королевской Резиденции с ее фресками, воспевающими подвиги Виттельсбахов, его притягивали портреты предков, о которых ходили таинственные предания. В изучении истории Людвиг показал недюжинные способности, изумительную память и усидчивость. Опуская историческую обыденность, он уделял много внимания всему величественному, героическому, сказочному. В истории он видел толчок для новых интересов, в ней черпал новые фантазии.

4

Летом королевский двор переезжал в один из загородных дворцов. На лоне природы Людвиг полностью предавался своим фантазиям. Особенно любил он время пребывания в рыцарском замке Хохеншвангау (Высокий лебединый край).

По средневековой поэме, поведенной героем-рыцарем минезингером Вольфрамом фон Эшенбахом, в альпийских горах есть скрытый от смертных замок. Благочестивый герой Титурель дал ему название Гора Спасения или Монсальват. В этом замке шванриттеры во главе с Парсифалем, отцом Лознгринуа, хранили Чашу Грааля. Чудесная чаша служила Христу и его ученикам на Тайной Вечере, потом Иосиф Аримафейский собрал в нее

пролившуюся кровь Спасителя. Хохеншвангау стоял в предгорьях Альп на пути в Монсальват. Но никто не мог найти дороги в Монсальват, если он не был чист сердцем и если Бог не считал его достойным вступить в святое воинство.

В конце XII века рассказывает альпийская легенда, Ричард Львиное Сердце возвращался из крестового похода. Из-за шторма, занесшего его к берегам Адриатики, он вынужден был продолжать дорогу домой через Альпы. Здесь он узнал о Чаше Грааля и решил завладеть ею. Вместо Монсальвата Ричард оказался в замке Дюрштайн, где за толстыми стенами провел почти год в плену и только в 1193 году был отпущен на родину.

В том же XII веке между двух горных озер – Шванзее (Лебединое озеро) и Альпензее (Альпийское озеро) Виттельсбахи возвели замок Хохеншвангау. Высокие горы окружали озера с юга, дремучие леса с севера. Лебединый замок стал центром миннезингеров. Рыцари Швангау известны еще по «Хайдельбергской книге песен», первым из них, чье имя дошло до нас, был Хильтпольд Швангау. В этом замке жил и последний Штауфен, принц Конрадин, в 1268 году в возрасте 16 лет его обезглавили в Неаполе.

В XVI веке рыцари шванриттеры покинули берега лебединого озера. Хохеншвангау постепенно разрушался, особенно пострадав во время наполеоновских войн 1800–1809 годов.

Позднее замок долго менял хозяев, пока его не приобрел Максимилиан II и в 1832–1836 гг. не отстроил заново. Короля вдохновляло предание о благородном Schwanenritter'e – рыцаре Лебеда, баварском Лоэнгрине, связанное с этим замком и о Тангейзере, здесь он ночевал по пути из Рима.

Лучшие художники Мюнхена реставрировали замок, в том числе последователь «назарейцев» Морис фон Швинд. Об этом художнике, прославившимся «лирическими парафразами» на темы шубертовской музыки и живописными фантазиями по мотивам немецкого фольклора, говорили, что он «Шуберт в живописи». Кроме него в замке Хохеншвангау, жемчужине немецкого романтизма, трудились художники-романтики: Кристиан Рубен, Михаэль Неер, Лоренц Куаглио и другие. В зале Лебединого Рыцаря они создали росписи, посвященные Лоэнгрину. На картинах, декоративных украшениях залов замка во всевозможных видах можно было увидеть изображение лебеда. Стаи белых лебедей жили на прудах в парке.

В замке и его окрестностях Людвиг II навсегда полюбил природу, горы стали самой горячей его привязанностью. Здесь же зародилась в нем склонность к перевоплощению в своих любимых героев. Днем ли, ночью, Людвиг долгими часами неустанно бродил в одиночестве по замку, по аллеям парка, при этом громко декламируя Шиллера.

Долгие прогулки Людвиг совершал не только пешком. Потомок древнего рыцарского рода, он страстно полюбил верховую езду. Этот вид летнего отдыха сильно укрепил его здоровье. Верховая езда оказалась единственным увлечением, способным соединить двух братьев, совсем не похожих друг на друга. Любимец матери, Отто, слыл весельчаком не склонным к чтению, любителем общества, Людвиг ценил уединение, чувство понятное и желанное творческим натурам, вспомним пушкинское: «Уединение мое совершенно, праздность торжественна».

Разница между братьями проявлялась даже в развлечениях. Отто выше всего ставил охоту, Людвиг отдавал предпочтение рыбалке. Из светских развлечений Людвиг более всего предпочитал театр. В Баварии увлечение сценой своего рода национальная черта, ему придаются все слои населения. Виттельсбахи с давних пор щедро поддерживали театр, и в этом отношении интерес Людвиг к сцене стал настоящей страстью, заполнившей его жизнь.

Для молодого принца посещение театра всякий раз было крупным событием. В свое шестнадцатилетие Людвиг в придворном театре увидел вагнеровского «Лоэнгрин», он был потрясен им. Видение его детской фантазии предстало перед ним в ярком свете рампы, сопровождаемое прекрасной музыкой. Людвиг заинтересовался Вагнером. Он стал читать его сочинения, разучивать музыкальные композиции, украсил свой стол

бюстом композитора. У принца появилась мечта о личной встрече с величайшим гением современной музыки, каким для него стал Вагнер.

К моменту знакомства с искусством Вагнера у Людвигу появилось ощущение своей духовной избранности. Его молчаливость и замкнутость все возрастали.

9 марта 1864 года Максимилиан II умер. И восемнадцатилетний принц сделался королем Баварии Людвигом II. Несколько дней после разговора с отцом перед его кончиной молодой король находился в тяжелом душевном состоянии.

Людвиг думал о том, что он будет королем, но у него было свое представление о королевских обязанностях и власти. Она рисовалась ему в образах благородных рыцарей древней Германии и шиллеровских героях. Свое будущее он видел исключительным призванием, служением возвышенным целям красоты.

Глубокая печаль юного короля тронула сердца баварцев, когда они впервые увидели его у гроба отца. Высокий и тонкий Людвиг вызывал всеобщее восхищение. Черты необычайного благородства и изящества на бледном лице, черные волнистые волосы и огромные, поражающие даже на портретах, широко раскрытые глаза мечтателя и гордеца – таким впервые предстал король своим подданным. Внешность и молодость короля покорили самые черствые сердца.

Молва о его скромности и трудолюбии, образованности увеличивали симпатию к нему. В честь его слагались гимны и стихи, его портреты покупались нарасхват, все слои общества, спешили проявить преданность новому королю. Теплота баварцев произвела сильное впечатление на Людвигу. Он оправился от своей подавленности и растроганно благодарил окружающих. Эти дни коронационных торжеств были самыми счастливыми в его жизни. В каждом его взгляде и жесте было видно, что он почувствовал себя королем. Народ любит созерцать в своих правителях величие и достоинство, и то, как юный король держал себя, вызывало общее одобрение.

И только среди части придворных появилась обеспокоенность тем, как быстро Людвиг освоился со своим новым положением. Противники королевской власти увидели в Людвиге внешнее воплощение монархии еще более убедительное, чем в изведенном ими Максимилиане. Характер Людвигу оставался для приближенных тайной. Молодой король отклонял грубую лесть, но ему неизбежно приходилось выслушивать ряд указаний и советов. Он делал это осторожно, что дало повод к возникновению вокруг него оппозиции и даже сопротивления.

5

Придворных неприятно удивляла неприступная и величественная манера Людвигу II держать себя, она стала непреодолимой преградой для сближения с королем, парализуя их действия. Сразу по вступлении на престол Людвиг серьезно занялся изучением государственных дел и одновременно с этим взялся за устройство королевских апартаментов. Придворными тотчас была отмечена разница между скромными вкусами почившего короля и вкусами его приемника. Людвиг таил в душе высокое представление о том, какой образ жизни соответствует людям, облеченным королевской властью.

Для своих покоев Людвиг выбрал самую отдаленную и тихую часть дворца. Он преобразовал ее великолепием стиля Людовика XIV, показав свою осведомленность в знании исторических деталей. В Версаль был послан художник, чтобы снять копии с находящихся там картин. Портъерами, вытканными золотом, гобеленами и тонкой резьбой украсились все залы. Для приема министров в зал, где это обычно происходило, установили тяжелое кресло под балдахином. Прямо из покоев короля был устроен проход в зимний сад, экзотический уголок, куда кроме нескольких слуг никому не было доступа. В саду находилась исполненная по заказу короля огромная картина, изображающая Гималаи с прозрачной далью над величавыми горами, ее написал Юлиус фон Ланге. Сад благоухал тропической растительностью, в нем стояла восточная палатка, швейцарская

горная хижина, резной мостик, лужайки с душистыми цветами, а на маленьком озере покоилась золоченая лодка в виде лебедя.

Мысли о рыцаре лебедя, о вагнеровской музыке не оставляли Людвигу. Находясь однажды неподалеку от Мюнхена, в замке Берг на Штарнбергском озере, король приказал разыскать Вагнера и пригласить в Мюнхен. Это было в мае 1864 года.

Франц фон Пфистермайстер, личный секретарь Людвигу II, занялся поисками Рихарда Вагнера.

Вагнер сразу же принял приглашение короля и прибыл в Мюнхен.

Король и композитор сыграли большую роль в жизни друг друга. Людвиг обладал беспредельной властью и душой, полной идеальных стремлений. В то же время, он способствовал осуществлению сложнейших творческих замыслов Вагнера. Благодаря воздействию образа Людвигу на композитора, Вагнер духовно обогатил свой первоначальный замысел «Парсифаля»: от понимания Грааля как спиритуализированного клада Нибелунгов он поднимается к фигуре Спасителя.

Вагнер в период встречи с Людвигу Баварским находился в полном расцвете своих сил. Его произведения ставились почти во всех крупных театрах Европы и имели успех. Но путь его не усыпали розами! Замыслы композитора нередко искажались, оставался неприятный осадок от коммерческой стороны постановок, удручала грубость критики, недобросовестность актеров, озабоченных исключительно личным успехом, его ввергала в отчаяние невежество публики, ищущей в театре лишь развлечений, – со всем этим Вагнер вел непримиримую борьбу. Через влиятельных друзей он искал покровительства при каком-нибудь дворе, и в предисловии к тексту «Кольца Нибелунгов» восклицал: «найдется ли монарх, который поможет мне поставить на сцене мои произведения?». При этом Вагнер имел репутацию безумного мечтателя, расточителя и революционера. Он переезжал из страны в страну, но в Лондоне, Вене, Петербурге и Москве он не находил того, что искал. Утомленного обманутыми надеждами композитора Пфистермайстер нашел во Франкфурте, и перед Вагнером неожиданно раскрылись блестящие перспективы. Он отправился в Баварию ко двору нового короля.

6

Людвиг признался Вагнеру, что стой поры, когда он, шестнадцатилетним принцем, увидел «Лоэнгрину», мысли о композиторе уже не покидали его. Вагнер стал его «единственным учителем, на созданиях которого он воспитывался». Король с первого момента встречи придавал их отношениям оттенок нежной дружбы.

Вагнеру встреча с Людвигу показала, что он нашел не только благосклонного мецената, но и восхищенного поклонника, помощника и друга. Об этом он пишет в письме к госпоже Вилле, в семье которой жил перед своим отъездом в Мюнхен:

Дорогой друг мой!

Я был бы самым неблагодарным человеком, если бы не поделился с вами моим безграничным счастьем! Вы знаете, что молодой Баварский король призвал меня. Сегодня меня представили ему: он так хорош и умен, так душевен и прекрасен, что, боюсь, жизнь его в обыденных условиях мира промелькнет, как мгновенный божественный сон! Он любит меня с сердечностью и пылом первой любви. Он знает обо мне все и понимает меня и мою душу. Он хочет, чтобы я навсегда остался возле него, работал, отдыхал, ставил на сцене свои произведения. Он хочет дать мне для этого все, что нужно. Я должен окончить «Нибелунгов», он намерен поставить их так, как я хочу. Я должен быть неограниченным господином самого себя, не капельмейстером: я должен быть самим собой и его другом. И это все он понимает так же строго и точно, как если бы мы с вами говорили на эту тему. У меня не будет никакой нужды, у меня будет все, что мне необходимо, лишь бы я остался при нем.

Что скажете вы на это? Что? Слыхано ли это? Неужели это не сон? Представьте себе только, как я тронут! Мое счастье так велико, что я совсем им подавлен. Об очаровании его глаз вы не можете иметь никакого представления! Если бы только он жил, – он слишком неслыханное чудо!..

В письме удивительный пример пронизательности гениального композитора: «...он слишком неслыханное чудо!.. жизнь его в обыденных условиях мира промелькнет, как мгновенный божественный сон!». В этих словах высокое откровение трагедии, прочитанной Вагнером в облике Людвига, и тем сильнее звучат они, звучат пророчеством, затерянным среди его восклицаний, понятной радости изгнанника, нашедшего счастливый конец своей неприкаянной жизни скитальца.

Людвиг захотел, чтобы Вагнер поселился недалеко от замка Берг на Штарнбергском озере, где король проводил лето. Отношения с Вагнером оказались для него редким сокровищем. Общась с композитором, он мог свободно проявлять самые сокровенные стороны своей души, которые до сих пор ему приходилось тщательно прятать. Дружба с Вагнером явилась для короля великим событием.

Его увлекла идея Вагнера возрождения немецкой музыки, германского духа. Содействовать победе Вагнера было целью, показавшейся ему наиболее достойной для своего королевского положения.

Время его было строго распределено. Государственными делами он занимался в определенные часы, все остальное время посвящал Вагнеру.

Я живу в десяти минутах езды от него, – писал Вагнер госпоже Вилле в письме от 26-го мая 1864 года, – ежедневно он посылает за мной один или два раза. Я лечу к нему, как к возлюбленной! Восхитительное общение! Никогда еще не приходилось мне встречать в такой чудной непосредственности подобное стремление поучаться, подобную способность понимать и горячо переживать усвоенное. И потом эта милая заботливость обо мне, эта прелестная застенчивость чувств, каждого выражения лица, когда он уверяет меня в своем счастье быть со мной.

Мы сидим целыми часами, потерявшись один во взгляде другого. Как легко мне будет здесь отдохнуть, во всех смыслах этого слова. Меня никто не замечает, никого я не вижу. Все, что мы оба глубоко презираем, идет своим путем, далеко от нас. Мы не считаемся ни с чем. Мое необычайное влияние на душу короля может повести только к добру, а не злу. С каждым днем все в нас и кругом нас становится прекраснее и лучше. Ах, этот милый юноша! Он для меня в настоящее время все: мир, женщина, дитя...

Нежная любовь Людвига заглушили на некоторое время в душе Вагнера горечь былых неудач. Их встреча дала обоим много вдохновенных минут. Они оба боролись за победу идеи великого значения искусства. Полем битвы должен был стать Мюнхен, а придворный театр, его труппа и оркестр – орудиями борьбы.

«Вчера, когда мы намечали окончание и постановку моих Нибелунгов, – писал Вагнер осенью 1864 года, я был охвачен таким изумлением перед этим чудом, перед божественным юношей-королем, что готов был стать перед ним на колени и молиться ему».

Гений Вагнера и могущество королевской власти должны были выступить под общим знаменем. Надежды на близкую победу воодушевляли короля и композитора.

7

Все знания Людвига, эстетическое чутье, мысли, созревшие в годы его одинокой юности – все отдавалось композитору. Вагнер не даром называл его своим «сотрудником», а на идейном уровне Людвиг был соавтором Вагнера. Молодой король превосходно знал историю театра и хотел своими усилиями содействовать успеху Вагнера.

Иногда по делам Людвиг уезжал на несколько дней из Берга, и тогда писал Вагнеру длинные и теплые письма.

Мысль о вас облегчает мне бремя моих королевских обязанностей, – писал Людвиг Вагнеру из Хохеншвангау 8 октября 1864 года. До тех пор, пока вы живете, жизнь моя будет прекрасной и полной счастья. О, любимый мною человек, как я радуюсь приближению того времени, когда мой дорогой друг посвятит меня в тайны и чудеса своего искусства, которые меня укрепят и воистину освятят! У меня есть намерение отучить Мюнхенскую публику от фривольных пьес, очистить ее вкус и подготовить ее к чудесам ваших творений посредством исполнения в придворном театре значительных и серьезных вещей Шекспира, Кальдерона, Моцарта, Глюка, Вебера. Все должно проникнуться истинным значением искусства! Посылаю вам, дорогой друг, мой портрет, потому что думаю и даже уверен, что из знающих меня людей вы любите меня больше всех. Я бы хотел, чтобы, смотря на него, вы думали, что тот, кто посылает вам его, посвятил вам любовь вечную, что он любит вас пламенно, так, как только может один человек любить другого.

Людвиг.

Король предоставил Вагнеру роскошную виллу, назначил ежемесячное жалование. Вагнер стал фактическим хозяином Придворного Театра, по его просьбе Людвиг пригласил из Дрездена знаменитого капельмейстера Ханса фон Бюлова и других друзей Вагнера, нужных ему для осуществления его планов.

В декабре 1864 года публике был представлен «Летучий Голландец». Первое выступление было встречено с большим одобрением. Вагнер стремился связать в одно целое музыку, поэзию и драматическое действие. После обсуждений с королем, было решено основать в Мюнхене под управлением Вагнера музыкальную школу, в ней певцы могли бы практически готовиться к сценической работе.

У Людвиг и Вагнера зрел еще один проект, символизировавший величие искусства: постройка специального театра, торжественного храма искусства – Bühnenfestspielhaus'a. Наследственная страсть Виттельсбахов к строительству придавала этой идее особенную торжественность. В Мюнхен пригласили знаменитого Готтфрида Семпера, и он приступил к разработке архитектурного плана. Идея короля и композитора рисовала театр, воздвигнутый среди природы, на высоте, как победу красоты над мутной правдой исторического мгновения. Людвиг выбрал холм на правом берегу Изара, поросший деревьями старого парка.

К 1866 году план Wagner-Festspielhaus'a утвердили, его стоимость оценивалась в 2568299 гульденов, а вместе с улицей и мостом, ведущим к нему, 5000000 гульденов.

8

Король нашел счастье в дружбе с Вагнером, и на ее фоне стал даже с некоторой симпатией относиться к отдельным своим приближенным. Подозрительность, присущая ему в первые дни его царствования, уменьшилась, благодаря Вагнеру он почувствовал крепкую почву под ногами. Наступило время, когда «король еще любил смеяться», как вспоминали его современники. В этот период Людвиг охотно показывался народу. На Рождество 1864 года он роздал огромное количество подарков. Он лично выбирал их в художественных магазинах и распределял так, чтобы каждому доставить удовольствие и оказать особое внимание.

Но внутренне Людвиг полностью был занят Вагнером. Уезжая по своему обыкновению на Рождество в Хохеншвангау, он слал оттуда письма Вагнеру.

Дорогой друг! – писал Людвиг 5 января 1865 года, – Пфистермайстер только что сообщил мне о том, что вы совсем выздоровели. О, с какой радостью встретил я эту новость! Как я горю желанием, чтобы вернулись эти тихие, благословенные часы, когда

я смогу созерцать после столь долгой разлуки лицо существа, самого дорогого мне в мире. Семпер разрабатывает план нашего Святилища, идет подготовка актеров. Скоро Брунгильда будет спасена бесстрашным героем. О, все, все в движении! То, о чем я грезил, чего желал, на что надеялся, скоро осуществится! Небо спускается для нас на землю... О, день, в который воздвигнется перед нами театр, о котором мы мечтаем! О, момент радости, когда ваши создания предстанут в совершенном исполнении! Мы победим, сказали вы в вашем последнем дорогом письме. И я, в свою очередь, восклицаю с таким же восторгом: мы победим! Мы не напрасно жили!..

Преданный вам до конца жизни,

Людвиг

Людвиг думал о победе в борьбе с невысоким эстетическим уровнем баварского общества. Он не хотел считаться с грубостью, косностью и завистью, но и сломить их ему оказалось не под силу.

И все же он победил, и жизнь его оказалась не напрасной: миллионы людей со всего мира посещают фантастические замки Людвига, слушают творения Вагнера, на которые вдохновил его король; поражает богатство его замыслов и щедрость средств, отпущенных на их воплощение. Тогда же все не было так очевидно, щедрость короля оказалась лишь поводом к началу интриги. И тайные недоброжелатели не замедлили начать ее.

«Можете себе представить, какая ужасная зависть меня окружает», – писал Вагнер своим друзьям вскоре после переезда в Мюнхен.

Зависть все росла. Влияние Вагнера на Людвига было очевидным и для придворных интриганов, композитор стал серьезным соперником. Но и те, кто не был запятнан подковой борьбой, стали опасаться, что влияние Вагнера будет иметь непомерное значение в государственных делах. Вспомнили, что Вагнер был иностранец, революционер в прошлом, а в настоящем «безумный мечтатель» и артист. Враждебная агитация против Вагнера оказалась столь сильной, что Людвиг был вынужден отдалить его от себя. Доброхоты призывали общество спасти молодого и неопытного короля от «злого гения».

9

Когда в Мюнхене стал известен проект постройки Вагнеровского театра, подготовленному общественному возмущению не было предела. Речь повели об открытой угрозе королевской казне. Искусные манипуляторы общественным мнением повернули дело так, что любимая идея молодого монарха потерпела провал. На просьбу выдать ему пять миллионов гульденов на постройку театра и улицы, ведущей к нему, управлявшие королевской кассой ответили отказом. Ландтаг также отказал в подобной просьбе, не сделал исключение для короля и город. Более того, Людвигу намекнули, что народное недовольство чрезвычайно и не стоит его увеличивать.

Общительность и приветливость короля сразу исчезли. Он отстраняется от приближенных и всецело становится на сторону оскорбленного друга, преподносит ему дорогие подарки, шлет нежные письма.

Антивагнерианцы добились отказа в постройке театра, но не добились изоляции «злого гения короля» и перенесли борьбу на страницы газет. Людвиг внимательно следил за печатью. Прочтя однажды враждебную Вагнеру заметку, он написал ему трогательное письмо, датированное 14 февраля 1865 года:

О, Тристан! О, Зигфрид! Несчастные люди осмеливаются говорить о немилости. Они не имеют и не могут иметь никакого представления о нашей любви! Простите им, потому что они не знают, что творят! Они не знают, что вы все для меня, что таким вы были и останетесь для меня до самой смерти, что я любил вас еще раньше, чем увидел вас. Но

я уверен, что мой друг знает меня, что его вера в меня никогда не поколеблется. О, напишите мне еще! Надеюсь вас скоро увидеть.

Любящий вас искренне, горячо и вечно

Людвиг

Вагнер рассказывал, что при каждой попытке заговорить на политические темы Людвиг начинал насвистывать и смотрел в потолок. Также и Вагнер категорически отказывался хлопотать перед королем за кого бы то ни было. Тем не менее, слухи о его влиянии на короля продолжали расти. Когда газеты к ним присоединили сообщения о неслыханных суммах, которые Вагнер тратил на свои музыкальные затеи, композитор вынужден был выступить с опровержением. Повторилась история, напоминавшая «революцию» 1848 года, в которой Вагнеру была уготовлена роль Лолы Монтез, из-за которой отрекся Людвиг I.

20 февраля 1865 года композитор написал взволнованное письмо госпоже Вилле:

Мое возражение в № 50 Allgemeine Zeitung вы знаете. Оно содержит одну неточность: изображена граница моих отношений с королем. Во имя моей потребности в покое, я страстно хотел бы, чтобы это было именно так. Во имя моего покоя я отказываюсь от прав, которые дает мне необыкновенно глубокая, фатальная привязанность ко мне короля. Но я не знаю, что мне сделать со своим сердцем, со своей совестью, как мне отстраниться от обязанностей, которые она на меня налагает. Вы догадываетесь, что все то, чем меня травят, не имеет под собой никакого основания, это лишь орудие клеветы, ставящей здесь свою последнюю, безнадежную ставку.

Но где поводы к этой клевете?

Вот что вызывает во мне содрогание, ибо я решительно не могу во имя личного покоя удалиться в спасительное убежище, предоставив короля окружающей среде. Это было бы мучительно для души, и я спрашиваю демона, управляющего моей жизнью: за что послана мне эта чаша? Зачем там, где искал покоя и ненарушаемой возможности работать, на меня налагается ответственность, в мои руки отдается счастье божественно одаренного человека, может быть, благо всей страны? Как спасти свое сердце, как при таких обстоятельствах быть художником? Около него нет и одного необходимого для его блага человека. Вот что причиняет мне настоящую боль! Внешняя интрига, рассчитанная целиком на то, чтобы вывести меня из себя и толкнуть на бестактный поступок, легко рассеется сама собой. Но для того, чтобы навсегда вырвать друга из его среды, нужна энергичная работа, которая окончательно лишит меня покоя. С трогательной верностью он поддерживает со мною самые лучшие отношения и отворачивается от всякой клеветы.

Что вы скажете о моей судьбе?

Моя жажда последнего покоя несказанна. Не могу больше выносить всех этих мерзостей.

10

Вагнер любил пышную обстановку, роскошную одежду. Он и приглашенные им в Мюнхен друзья ни в чем себе не отказывали. Бережливых бюргеров шокировала шумная жизнь музыкальной богемы. Вагнер не обращал на это внимания, ни во что, не ставя общественное мнение, он, музыкант, знал что общественное мнение подобно роялю, оно звучит так, как его настроят.

Недрузи короля ставили Вагнеру в вину, будто в короткий срок своего пребывания в Мюнхене он истратил около двух миллионов гульденов. Это было преувеличением. Впрочем, его использовали и в отношении самого короля: о его расточительности распускались слухи, подкрепляемые цифрами – на самом деле в полтора–два раза превышающими суммы смет архитектурных проектов. С Вагнером тем более не церемонились. О каких, например, двух миллионах гульденов могла идти речь, если по договору от 18 октября 1864 года, заключенному между Вагнером и Придворной

канцелярией, композитор, за то, что обязался в течение трех лет закончить цикл «Кольцо Нибелунгов», получил 30000 гульденов в первый год, по истечению второго года к ним прибавлялось еще 6000, еще через год первоначальная сумма выплаты увеличивалась на 8000 гульденов. Нетрудно подсчитать, что полученные Вагнером деньги в девятнадцать с лишним раз меньше той суммы, которую приписывали ему тайные недоброжелатели.

Людвиг II решительно отвергал все обвинения в адрес Вагнера, и чем они были настойчивее, тем нежнее было его отношение к оскорбляемому другу.

О, мой друг, – писал он Вагнеру в март 1865 года, – как бы ни было трудно, ужасно трудно, наше положение, я все-таки не хочу жаловаться: у меня есть Он, Друг, Единственный! Не будем сетовать, не будем обращать внимание на измены и вероломство. Чтобы не допустить ни чьего влияния на нас, удалимся от внешнего мира. Он нас не понимает. Хотелось бы быть сейчас с вами в лесу Зигфрида и освежить душу пением птиц. Забудьте грубость окружающих нас людей, пресмыкающихся в потемках.

Пусть горит, сверкает наша любовь!

Верный до гроба

Людвиг.

Весной в Мюнхене было принято торжественно отмечать праздник Ордена Рыцарей Св. Георгия, членами которого были лица королевского дома и представители старинной родовой аристократии. Величественный обряд посвящения, пышность костюмов и обстановки очень нравились Людвигу, принявшему по своему положению должность главы ордена. Людвиг пожелал, чтобы орден взял на себя заботу о раненных. По его инициативе на средства рыцарей Св. Георгия выстроили большой военный госпиталь. Но весной 1865 года король демонстративно отказался присутствовать на празднике ордена, дабы не встречаться с антивагнерианцами.

Людвиг настоял, чтобы Вагнер ни в коем случае не отменял представления «Тристана и Изольды», намеченного на май 1865 года. И письма Вагнера этого времени переполнены восторгом:

Божеественность юного короля нельзя воспеть ни в каком гимне! – пишет он госпоже Вилле 31 апреля 1865 года. – Все, что совершается здесь, похоже на сказку, на сон. Трудно постигнуть, как могло облечься человеческой плотью нечто столь прекрасное, глубокое и возвышенное. И как он мудр, сам того не сознавая! Вокруг нас не мало тяжелого, обстановка, полная удручающей пошлости. Но надо всем, мудро, с безупречным инстинктом, господствует он. Все мои страхи легко исчезают от неподражаемой верности его чутья. Да не коснется его ничто, он свят!..

11

Одним из прекраснейших мгновений своей жизни Вагнер считал генеральную репетицию «Тристана и Изольды» в мае 1865 года. Это был первый в его жизни случай, когда себя и всех участников представления он ощущал как бы членами одной семьи. Для исполнения заглавных ролей из Дрездена пригласили знаменитых супругов Шнорр, Вагнер считал их лучшими исполнителями своих вещей. На репетиции присутствовал небольшой круг друзей и, конечно, Людвиг. Через несколько месяцев, 26 сентября 1865 года Вагнер вспоминал репетицию с большим воодушевлением и нежной признательностью по отношению к королю. Он написал об этом госпоже Вилле:

Было короткое время, о котором я действительно вспоминаю, как о грезе, так удивительно хорошо и бодро было у меня тогда на душе. Это было время репетиции «Тристана». Мой верный ангел, мой добрый и благодостный защитник охранял меня, как всегда, полный детского ликования, если был доволен я, если я радовался растущему успеху. Незаметно устраивает он все, что помогает мне, удаляет то, что мешает. Восхитительный сон превратил задуманное в неожиданную действительность: первое представление без публики! Чудодейственная любовь короля заставляет меня жить. Для него я воскресая, для него хочу еще и еще творить!

10 июня 1865 года состоялось первое представление «Тристана и Изольды». В этот день тлеющие угольки антивагнерианского злорадства иллюминаты раздули до явной ненависти к композитору. Тайные недруги явились в театр специально для того, чтобы руками обманутых ими бюргеров устроить Вагнеру обструкцию. Политиканствующие клакеры стали свистеть сразу после первого акта, не стесняя себя присутствием короля.

Истинных ценителей музыки в театр оказалось все же гораздо больше, и они устроили Вагнеру настоящую овацию. Вместе с Вагнером пожинал лавры успеха и Людвиг. Все газеты с восторгом сообщали об успехе «Тристана», превозносили благородного мецената Людвиг и писали о нем как о «короле-романтике».

«Можно не сомневаться в том, что этот молодой король заставит о себе говорить, – писал о нем корреспондент влиятельной французской газеты «Progress de Lyon». – Король, который не чуждается высочайших проблем искусства – явление редкое в истории».

В то время, как на Вагнера сильное впечатление произвела генеральная репетиция, на Людвиг гораздо сильнее подействовало первое представление «Тристана». Своими чувствами он спешил поделиться со своим кумиром.

Высочайший, Божественный Друг!

Еле могу дождаться завтрашнего дня, так жажду увидеть второе представление. Вы писали Пфистермайстеру о своей надежде на то, что моя любовь к вашему произведению не уменьшится из-за несколько неудовлетворительного исполнения роли Курвенала. Друг мой, как могла возникнуть у вас такая мысль? Я восхищен, захвачен! Я сгораю от желания видеть следующее представление. Это чудесное Творение, созданное гением! Кто может, увидав его, узнав его, не почувствовать себя блаженным? Великое, прекрасное, возвышенное – оно очищает мою душу! Да здравствует его Творец! Преклонение – ему.

Прошу вас, обрадуйте меня письмом!

Не правда ли, мой дорогой друг, мужество, необходимое для новых созданий, никогда не оставит вас? Прошу вас никогда не отступать ни перед чем, прошу во имя тех, кого вы наполняете таким блаженством, какое может дарить только Бог.

Вы и Бог!

До самой смерти, до перехода в иной мир, в царство ночи, остаюсь верный вам.

Людвиг

Чем восторженней становилось отношение короля и любителей музыки к опере Вагнера, тем сильнее оказывалась злоба иллюминатов! После неудачной попытки устроить на премьере «Тристана и Изольды» обструкцию Вагнеру, они прибегли к своим излюбленным приемам – клевете и издевательским переименованиям творений композитора.

В Мюнхенском народном театре подкупленная труппа принялась репетировать «Tristanerl und Sussholde», иллюминатский пасквиль на «Tristan und Isolde». Созвучное оригиналу, его название можно перевести как «Истукан и Приторная».

То, что обыкновенные люди привыкли считать отвратительным кривляньем, грязной ужимкой, принижающей все возвышенное, иллюминаты, эти «обезьяны Бога», называли иронией. «Tannhauser» («Тангейзер») становится у них «Rumorhauser», что значит «шумный».

«Ирония» иллюминатов не так уж безобидна. Непримиимые враги монархии преследовали свою главную цель – опорочить короля, вызвать недоверие к нему народа и свергнуть его.

Очень быстро Вагнера с их подачи стали называть в Мюнхене «Лолус». Намек на известную историю отречения Людвиг I от престола из-за неприятия мюнхинцев Лолы Монтез, его возлюбленной.

«Монтез была революционным объектом, а Вагнер революционным субъектом» – напоминала мюнхинцам, а главное, королю и его родственникам о «дрезденском баррикадисте» газета «Neue Bayerische Kurier». Родственники Людвиг II, напуганные,

что он может повторить судьбу своего деда, стали настоятельно просить его удалить Вагнера из Мюнхена. Как это ни было трудно, Людвиг оставался верен своему чувству и не верил злым наветам.

12

Людвиг проводил лето в Хохеншвангау. Богатырское здоровье и крепкие нервы помогали Людвигу переживать волнения. У него рождались новые надежды и планы, он почти забыл недавние неудачи. Он радовался отдыху в любимых горах, наслаждался тишиной, долгими верховым прогулками, возможности помечтать наедине. Возникали мечты о Вагнере, о его творчестве, о будущих победах. Восторг переполнял его, когда он думал о героях вагнеровских драм:

«Дорогой, все осуществится, – написал Людвиг Вагнеру 3 августа 1865 года. – Все наши стремления будут достигнуты. Огонь энтузиазма, который горит в моем сердце день ото дня все ярче и ярче, не сгорит напрасно! Привет тебе, привет Искусству! И когда мы оба исчезнем, наше создание все еще будет служить блистательным примером для следующих поколений. Восторг, который оно зажигает, пройдет через столетия, и сердца будут гореть восхищением перед Искусством вечным и божественным».

Для нас слово «энтузиазм» представляет смягченный вариант радикализма, с которым наши недавние предки занимались переустройством жизненных основ в России. Короткий отрезок истории показал жестокую прозу энтузиазма, и мы с горькой улыбкой произносим это слово, уже не имеющее для нас никакого сверхъестественного значения. Напомним, что со времен Джордано Бруно и до описываемых нами событий из жизни Людвиг II энтузиазмом называли огонь, зажженный в душе солнцем ума, – о таком энтузиазме писал Людвиг, о божественном порыве, расправляющем его крылья. Король и композитор были настоящими энтузиастами в первоначальном смысле этого слова.

В конце лета Вагнер переехал к королю в Хохеншвангау, замок на берегу Лебединого озера. Вдохновенное общение между друзьями превратилось в часы долгих бесед. В них принимал участие молодой князь Пауль Турн-Таксис, дальний родственник Людвигу, ему король симпатизировал за его преклонение перед Вагнером.

В августе 1865 года Людвигу исполнилось двадцать лет, и в день своего рождения он устроил, при содействии князя Таксиса, на озере у замка сказочную феерию: среди фантастических огней, под звуки оркестра, на лодке в виде лебедя в роскошном костюме плыл князь Таксис и пел арию из «Лоэнгрина». Людвиг был в восторге оттого, что развеселил Вагнера.

Если бы Людвиг не был королем, он мог стать артистом. Довольно высокого роста (190 см), Людвиг эффектно смотрелся в костюме Лоэнгрин и чувствовал себя в нем не менее величественным и благородным, чем в костюме гроссмейстера рыцаря ордена Св. Георгия. Он переодевался для самого себя, тщательно избегая праздных взглядов.

Князь Таксис пошел дальше Людвигу и вскоре порвал со своим кругом и поступил на сцену исполнять роли Вагнеровских героев. Людвиг, оставаясь на троне, был безмерно предан вагнеровским идеям.

В октябре 1865 года по желанию короля поставили его любимую драму «Вильгельм Телль» Шиллера. Король специально приехал в Мюнхен, чтобы присутствовать на представлении. В восхищении от увиденного, Людвиг послал подарок и письмо исполнителю главной роли, артисту Родэ, а сам через два дня инкогнито, в сопровождении князя Таксиса, которого сделал своим адъютантом, отправился в Швейцарию, чтобы увидеть родину Вильгельма Телля.

13

В это время противники Вагнера не оставляли своего намерения выжить его из Мюнхена. Осенью они употребили все усилия, чтобы сделать предметом толков отношения между королем и Вагнером.

По какому-то ничтожному поводу произошла довольно серьезная стычка толпы с полицией. Ее сразу истолковали, как признак народного недовольства. Полиция, с подсказки иллюминатов, заявила о своем бессилии в обеспечении безопасности Вагнера. Министр-президент заявил, что подает в отставку, если Вагнер не покинет Мюнхен. Приезд Людвиг в Резиденцию ожидали родственники: мать, дядя Луитпольд (впоследствии Принц-регент Баварии), двоюродные братья, наследный принц. Они вновь убеждали его расстаться с Вагнером. Людвиг не знал, на что решиться.

Вечером того же дня в театре произошла демонстрация народного недовольства Вагнером, инспирированная иллюминатами. Это испугало короля, и он известил министра-президента, что Вагнер оставит Мюнхен. «Я хочу показать моему дорогому народу, – сказал он, – что его доверие и любовь я ставлю выше всего». Он не подозревал, что оказался жертвой циничной партийной интриги.

Решение было принято и оно далось королю не просто.

Мой дорогой друг! – писал Людвиг Вагнеру 6 декабря 1865 г., – как мне это ни больно, но я должен вас просить исполнить мое желание, переданное вам через моего секретаря. Верьте, я не могу поступить иначе! Моя любовь к вам будет длиться вечно. И я прошу вас сохранить дружбу ко мне навсегда. С чистой совестью могу сказать, что я достоин вас. Кто имеет право нас разлучить? Знаю, что вы чувствуете то же, что и я, что вы вполне понимаете мою глубокую боль. Поступить иначе я не могу, верьте мне! Никогда не сомневайтесь в преданности вашего лучшего друга. Ведь это не навсегда!

*До гроба верный Вам
Людвиг.*

Вслед за этим письмом король посылает Вагнеру еще одно.

Глубоко любимый, дорогой друг!

Нельзя выразить словами ту боль, которая раздирает теперь мое сердце. Необходимо сделать все возможное, чтобы опровергнуть новые отвратительные газетные сообщения. Это слишком далеко зашло. За наши идеалы нужно вести постоянную борьбу, в этом мне не приходится вас убеждать. Будем часто и много писать, прошу вас об этом! Мы ведь знаем друг друга и не нарушим дружеских отношений, которые нас связывают. Во имя вашего покоя я должен был поступить так, как поступил. Не судите обо мне несправедливо никогда, – это причинило бы мне муки ада. Будьте счастливы, друг мой любимый! Да процветают ваши создания!

*Глубокий сердечный привет от вашего верного
Людвига.*

14

Постановщики этой драмы за кулисами потирали руки, оппозиционная пресса ликовала. Но встречались в мюнхенских газетах сообщения, что король обманут своими родственниками. Людвиг же, дабы прекратить ранившие его сердце кривотолки, повелел напечатать сообщение о том, что Вагнер не удален, а отправился по своей собственной воле путешествовать.

Людвиг II до конца своей жизни действительно любил народ и дорожил его расположением, но мюнхенцев и Мюнхен с этого времени невлюбил. После отъезда Вагнера он поспешил уехать в горы.

Вопрос о роли Вагнера в жизни Людвиг долго интересовал всех. Вагнер сам говорил, что в Людвиге он «дал миру одно из лучших своих творений». Эти слова близки к истине. Вагнеровская художественная воля имела много общего с творческими устремлениями Людвиг, она будоражила его, наполняла его душу верой, энергией,

гармонией и делала связь с внешним миром не тяжким бременем, но осознанным послушанием.

Все это продолжалось до тех пор, пока Вагнер и король были неразлучны. Отъезд Вагнера стал поворотным пунктом в жизни Людвиг Баварского. Плен высокого королевского положения стал основой трагедии жизни Людвиг Баварского. Трон ставил препятствия его лучшим стремлениям, с другой стороны, величие сана требовало фантастических подвигов, создавало ощущение исключительной призванности. Одиночество и мечты – вот что осталось для Людвиг. Он возвращался к тому, с чего начал в раннем детстве, но, уже обнаружив в себе свою «божественную одаренность», как говорил о нем Вагнер.

Вагнеру было ясно, что во всей этой истории король стал жертвой обмана.

Людвиг остался верен своему слову, и дружески относился к Вагнеру до конца его жизни. Он несколько раз посещал Вагнера в Швейцарии, в Байройте, оказывал ему материальную поддержку, помогал в постройке театра.

Надо сказать, что мюнхенцы не долго были настроены к Вагнеру недружественно. Уже в 1868 году Вагнер явился в Мюнхен ставить «Майстерзингеров». Теперь музыкальный реформатор находил в этом городе наибольшее количество своих сторонников.

15

А перед Людвигом вставали прозаические и суровые вопросы политической жизни.

Между Пруссией и Австрией произошло столкновение из-за Шлезвиг-Гольштинии, и Бавария, в силу исторических обстоятельств, принимала сторону Австрии.

Людвиг все же надеялся, что вопрос решится мирным путем. Но в мае 1866 года положение оказалось настолько серьезным, что разговор пошел о степени участия Баварии в предстоящей войне.

В проникновенной речи в Ландтаге Людвиг горячо высказался против братоубийственной войны в Германии.

Но война разразилась.

Бавария вынуждена была сражаться на стороне Австрии против Пруссии и вместе с первой потерпела поражение. Всего месяц длилась война, оказавшаяся тяжелой для Баварии. По заключенному с Пруссией миру Баварию обязывали уплатить тридцать миллионов гульденов военных издержек.

Сразу после войны Людвиг совершил свою первую и последнюю поездку по стране, с целью оказания помощи населению. Это была триумфальная поездка. Короля опережала народная молва, превозносившая его красоту, образованность, благородство характера, возвышенность стремлений.

Замкнутый образ жизни Людвиг редко давал возможность народу видеть своего короля, поэтому доступность его во время поездки по стране вызвали общее восхищение. Людвиг без усталости переезжал из города в город, бывал в театрах, на обедах, танцевал на балах, принимал всех желающих его видеть, щедро раздавал подарки. Всюду его встречали овациями, их искренность переходила границы условных проявлений народной преданности. Необычайная наружность Людвиг, его искренние и умные речи, сдержанная и величавая манера держать себя привлекали к нему народ.

Но Людвиг не был популистом. Свой образ жизни он никак не соотносил с общественным мнением. Общество же видело в его жизни нечто непонятное и, вместе с тем, сказочно очаровательное.

Военные действия 1866 года привели Людвиг к мысли, что единственно надежный путь Баварии – сближение с Пруссией во имя объединения Германии. Вскоре после заключения мира с Пруссией он пишет королю Вильгельму письмо с предложением союза для их королевств:

После того, как заключен между нами мир и утверждена крепкая и постоянная дружба между нашими государствами, хочется дать этому факту внешнее символическое

выражение, и я предлагаю Вашему Королевскому Величеству совместно со мной владеть знаменитым замком Ваших предков в Нюрнберге. Когда со шпиля этого общего родового замка взвоятся рядом знамена Гогенцоллернов и Виттельсбахов, это будет символом того, что Пруссия и Бавария единодушно стоят на страже будущего Германии, которое через Ваше Королевское Величество направлено провидением по новым путям...

Осенью Людвиг открывал Ландтаг. Вдохновленный новой задачей, которую намеревался в этот день объявить, он опять почувствовал реальную силу своей власти, и свое появление в парламенте обставил с особой торжественностью. Вместо оваций на улице его встретило молчание: это была демонстрация против предполагаемого союза с Пруссией. Вернувшись во дворец, Людвиг заявил, что никакие силы не заставят его больше показаться в этом отвратительном Мюнхене.

Но все же король был опытнее, чем год тому назад, когда в подобной демонстрации он увидел доказательство грозящей революции. Он остался непреклонен. Союз с Пруссией был делом решенным. В конце 1866 года король избрал своим сотрудником и главой министерства князя Хлодвига фон Гогенлоэ, пламенного поклонника Бисмарка и сторонника единства Германии во главе с Пруссией.

Новое направление внешней политики, проводимое министерством Гогенлоэ, вызвало раскол в баварском обществе: на сторону короля и министерства встали либералы, против них – почти все родственники короля, аристократия и консерваторы. Борьба завязалась самая горячая.

16

Ближайшие родственники Людвиг в это время всерьез озаботились вопросом его женитьбы. Очень скоро им стало ясно, что женить его, как это было принято в королевских домах, не удастся. Оставалось ждать, пока Людвиг сам сделает свой выбор. Со многими молодыми принцессами ему приходилось знакомиться и танцевать на придворных балах. Ни одна из них, как и ни одна из красивых придворных дам, не привлекла его внимания.

В первые недели своего царствования он познакомился с русской Императрицей Марией Александровной и четырнадцатилетней Великой Княжной Марией. Знакомство произвело на него самое хорошее впечатление. Неизменный спутник Императрицы и дочери во всех их прогулках, он с удовольствием оказывал им много внимания. А предложения так и не последовало. Вполне вероятно, Людвиг уделял внимание не княжне, которая была еще совсем девочкой, а императрице Марии Александровне, в ней он ценил умного и интересного собеседника и одну из немногих женщин, пользовавшихся его большим уважением.

С раннего детства Людвиг выказывал необыкновенную чувствительность к внешности людей, с которыми ему приходилось иметь дело. Люди некрасивые отталкивали его, красивые привлекали даже тогда, когда их внутреннее содержание далеко не удовлетворяло его. Он гордился матерью, самой красивой женщиной при дворе, но она казалась ему недостаточно развитой. Отрицательное отношение королевы Марии к Вагнеру, ее ярко выраженный консерватизм окончательно оттолкнули Людвиг от нее, и во всей последующей его жизни она не играла уже никакой роли.

Для всех было неожиданностью, когда в начале 1867 года Людвиг вдруг пожелал жениться на своей кузине Софии, дочери Максимилиана-Иосифа, Герцога Баварского и принцессы Людовики, сестры Людвиг I.

Людвиг знал герцогиню Софию с детства, она жила в семье своих родителей в родовом владении Поссенгофен на Штарнбергском озере, недалеко от королевского замка Берг. На герцогиню Софию он долгое время не обращал внимания, пока ее расцветшая красота не пленила его. «Вот достойная невеста короля!», – воскликнул Людвиг, когда ему был доставлен портрет его невесты, кисти одного из лучших художников Мюнхена. И он, не задумываясь, сделал ей предложение.

В память их помолвки отчеканили медаль с их бюстами. Король очень часто показывался с невестой в театре, на балах и на улицах Мюнхена. Свадьба была назначена на 12 октября 1867 года, в день венчания отца и деда короля.

Двадцатилетняя герцогиня София, не слишком умная, не очень образованная, но воспитанная, была достаточно хитра и ловка, а потому умела поддержать разговор практически на любую тему. Она не любила Людвига, ее влекло к другому. И все же ее честолюбие говорило ей, что перспектива сделаться королевой Баварии, женой самого молодого и красивого монарха Европы заманчива, и она, не раздумывая, согласилась на его предложение.

Свою невесту Людвиг осыпал дорогими подарками и знаками исключительного внимания. Отношения их все же были скорее натянутыми, чем приятными. Людвиг хотел говорить с ней лишь на возвышенные темы, но замечал, что она тяготится этим и скучает, и тогда принимал это, как личное оскорбление.

Когда между Людвигом и Софией стали возникать недоразумения, король предпринял ряд путешествий. Он уехал с братом Отто в Эйзенах осматривать замок Вартбург, а потом один, инкогнито, отправился в Париж. Там он посещал театры, всемирную выставку, королевские дворцы и, главным образом, Версаль. Его возвращение в Мюнхен совпало с последними приготовлениями к свадьбе, будущая королева уже составила штат своих придворных дам и приготовила туалеты. И вдруг, так же неожиданно, как произошла помолвка, со стороны Людовика последовал отказ от нее. При дворе стали говорить, что король узнал о любви герцогини Софии к некому третьему лицу, однако настоящей причины никто не знал. Было известно, что Людвиг после одного визита к невесте, вернулся сильно взволнованный и в гневе уничтожил все ее портреты. Нечто сильно задело самолюбие короля.

Людвиг так никогда и не женился.

17

Людвиг умел любоваться женской красотой издали, главным образом, в театре. Многие артистки пользовались его расположением, он приглашал их во дворец и они декламировали и пели для него одного. Красота короля, его загадочность... о, как сильно искушение, которое они испытывали! Как сокрушались они, понимая, что им не под силу прорваться сквозь стену холодности, которой окружил себя король. «Он холоден, как рыба!» – заключила актриса Лиля фон Бюловски, – Эльза в «Лоэнгрине», – когда пожелала стать баварской маркизой де Помпадур, но, обольщая Людвига, потерпела неудачу.

Враги короля, зная о благоволении Людвига к артистам и певицам, пытались навредить ему или подчинить себе его волю, прибегнув к женским чарам.

Одна артистка, которую Людвиг пригласил в Хохеншвангау, где она должна была декламировать отрывки из его любимых произведений, настойчиво выражала желание осмотреть спальню короля, уверенная, что где же, как не в спальне сумеет склонить его к своим ногам. Людвиг обескуражил ее тем, что, в конце концов, согласился пройти с ней в спальню, но вызвал слугу и под предлогом, что в спальне сильно накурено, приказал ему открыть окна и заняться активным проветриванием помещения.

Хитрый замысел недругов был сорван, но они не оставляли надежд и продолжали расставлять сети для короля.

По наущению «неведомых старшин» (Geheime Oberu), другой артистке предписывалось известить Людвига, путив в ход оккультные силы.

Обитателям Альп известна легенда под названием «Проклятье русалки».

Обольстительная водяная фея, завлекая юношу, плывущего по озеру в лодке, стала звать его на помощь, будто попала она в рыбацкие сети. Юноша подумал, что тонет кто-то из деревенских жителей, и направил на крик свою лодку. Когда же он увидел, что у

девушки, ухватившейся за весло, вместо ног чешуйчатый рыбий хвост, то выпустил весло из рук и, управляя вторым, поплыл к берегу.

– За это ты никогда не вернешься домой! – крикнула русалка, прежде чем скрыться под воду.

Юноша не испугался, поплыл дальше. И вдруг солнце скрылось, разразилась буря, и лодку унесло далеко от берега.

Тихими вечерами, когда над прибрежным тростником повисает туман, издалека с воды доносится чуть слышный плеск. Это проклятый русалкой юноша пытается одним веслом пригнать к берегу лодку. Но как он ни бьется, лодка стоит на месте. Никогда ему не вернуться домой.

«Неведомые старшины» долго внушали другой артистке, что она та самая легендарная русалка и ей дана власть подчинить себе короля. Король зная эту легенду, оказавшись в сходной ситуации, чтобы не подвергать себя проклятью за отказ в помощи, выполнит все, что от него потребует мнимая русалка, медиум иллюминатов.

Артистка искусно разыграла влюбленность в Людвига. Она всячески льстила ему, сравнивая его с Лознгрином, и напросилась покататься вместе с ним в лодке по озеру. Во время катания актриса якобы случайно опрокинула лодку, и они оба оказались в воде. Ее расчет был прост: король бросится спасать тонущую даму, естественно, при этом она сможет прикоснуться к нему, а там он попадет в ее объятия.

Бедной женщине пришлось испытать полное разочарование и страх открывшейся перспективы остаться в озере ундиной, а попросту утопленницей. С возгласом: «Не прикасайтесь к моему величеству, жалкая наемница!» король поплыл к берегу.

Артистка не подозревала, что такой поворот событий спас ее от уготованной и ей смерти: по версии иллюминатов Людвиг и артистка должны были утонуть оба, якобы случайно запутавшись в рыбацкой сети.

И первая, и вторая подсланные шпионки были высланы из Баварии, так и не оправдав надежд иллюминатов.

Биограф Людвига II Готтфрид фон Бём рассказывал о неких предсказательницах полусвета, которые якобы еще в 1864 году нагадали Людвигу-студенту, что у него в жизни появятся две женщины, одна из которых будет им повелевать, а с другой он познает настоящую дружбу.

Лиля Бюловски (ее имя связывали с первой из двух предназначенных королю судьбою женщин) – повелевала ли эта актриса Людвигом? Очень сомнительно: насколько мы помним, в ее отзыве о короле не присутствовало ничего, намекающего на горячую «собачью» преданность, – «он холоден, как рыба», сказала Лиля, а рыбами повелевать вряд ли возможно.

Мария Антуаннета, Мария Стюарт, Жанна д'Арк... лишь этим женщинам удалось стать членами того изысканного общества, в котором находился король, не сдерживающий своего пылко воображения. Единственная реально существующая женщина, которая стала его настоящим другом, насколько можно было быть другом Людвига, была Елизавета, императрица австрийская. Она никогда не видела в Людвиге Дон Жуана, разглядев однажды в нем Дон Кихота. С ней Людвиг всегда охотно виделся, она могла без доклада являться к нему в кабинет, они проводили время в долгих беседах. Жаль, что жизнь этих родственных душ шла различными путями, встречи их были кратки, случайны и мало скрашивали безрадостное одиночество молодого короля, наступившее после разрыва с невестой.

«Ты счастливый человек, ты можешь быть независим от женщины» – говорил Людвигу его дед, Людвиг I, который счастлив был чаще, чем бывал скромн. Поставленный перед необходимостью выбора между любовью и тронем, и все-таки избравший любовь, Людвиг I как художник разглядел во внуке удивительное сочетание Адониса и Нарцисса. Было бы странным, если бы недруги короля, иллюминаты, не стали по свойственной им методике комментировать и интерпретировать особенность Людвига, отмеченную его

дедом. Они принялись распускать слухи о гомосексуальных наклонностях Людвига. Враги монархии не сомневались, что слухи, подобно смертоносным парам едкой кислоты, заменят ореол фантастичности и ауру таинственности, окружающую юного прекрасного короля, на миазмы приписываемых ему пороков.

Франц Герре в книге «Людвиг II Баварский. Его жизнь, его страна, его время», выпущенной издательством «Weltbild» в 1995 году к 150-летию со дня рождения Людвига II, замечает, что если и уместно говорить о гомофилии и гомоэротизме баварского короля, то исключительно как о направленных им на себя самого. Он утверждает, что Людвиг по своему облику представлял редкий для барочно-католической традиции тип пуританина. Вряд ли можно было найти какого-нибудь другого современника Людвига, с подобной ему тонкой душевной организацией, моральные устои которого были бы сравнимы с королевскими и также затруднили бы ему перешагнуть порог, отделяющий Эрос от Сексуса. Герре приводит высказывания психиатра Альберта Молля, написавшего книгу «Знаменитые гомосексуалисты» (Wiesbaden 1910), о том, что есть тип людей, на которых музыка Вагнера оказывает эротическое воздействие, к таким он относит Людвига.

«Тепло, теплее, горячо!» – восклицаем мы, узнавая в мерцающих огнях брызжущие кипящим жиром светильники просвещенцев-иллюминатов. Как же, – 1910 год – в столице «Египта» в «Риме» наступает время Венского шарлатана, Калиостро психиатрии – З. Фрейда. Вот уже сто лет как приученный фрейдизмом человек нового времени видит эротизм и сексуальность не только в музыке Вагнера, но и в нотах, которыми она записана: взгляните-ка в начертание скрипичного ключа, – о чем вы подумали? Ах, не об этом! Отстали, вас надо просвещать.

Психоанализу иллюминаты ответили одну из главных ролей в борьбе с монархиями. Он должен заменить один из ее столпов – религию. Сегодняшний день показывает, как многого они добились. Не стоит только успехи приписывать целиком психоаналитикам – львиная доля вклада в процветание этой новой религии – патологическое безразличие людей в отношении собственной души. Во времена Людвига психиатрия, как рычаг для переворотов общественного сознания иллюминатами только опробовалась.

Мы упомянули, что Людвиг в самом начале своего правления познакомился с русской царицей и ее дочерью. Это было в июне 1864 года, когда Император Александр II приезжал в Баварию. В этой поездке его сопровождал девятнадцатилетний, стройный Людвиг II, одетый по этикету в генеральскую форму полка русской армии, над которым по традиции шефствовали баварские короли. В Бад-Киссингене таким его увидел психиатр доктор Бернхард фон Гудден.

– Какой худосочный генерал! – заметил Гудден ассистенту. Тот вопросительно посмотрел на доктора. – Ну, разве вы не видите, что у этого генерала глаза безумца?».

– Нет, господин доктор, поясните, – в замешательстве произнес ассистент.

– «В этих глазах не достаточно много власти!» – заключил Гудден.

Один из целой череды эпизодов, раскрывающий истинную ценность осведомленности психиатров в чем-нибудь, кроме своих собственных комплексов. Отсюда понятно происхождение самых нелепых предположений относительно взаимоотношений Людвига с мужчинами и женщинами.

Что же касается власти, о которой говорил тогда еще новоначальный иллюминат-минервал доктор Гудден, то видимо, он представлял ее только в одном обличье, в том, в каком эта власть через двадцать два года после первой встречи с Людвигом, заставила его, иллюмината-направителя пятой степени погибнуть вместе с королем.

единственно верный путь для Баварии. Сразу после заключения мира с Пруссией в 1866 году Людвиг пожаловал Бисмарку орден Св. Губертуса, которым обыкновенно награждали за особые услуги стране. Вскоре в Мюнхене состоялась неофициальная встреча Людвига и Бисмарка, она продолжалась несколько часов и произвела на обоих сильное впечатление.

Приближалось время еще более смелых решений.

Летом 1870 года отношения между Пруссией и Францией обострились до того, что война казалась неизбежной. Решение поддерживать Пруссию могло вызвать недовольство в стране. После многих совещаний со своими советниками король издает приказ о мобилизации.

На следующий день в Мюнхене вместо враждебных демонстраций короля встретили восторженными овациями. Самые консервативные слои населения поняли, что долг Баварии принять сторону Пруссии. Дремавшее в народе чувство широкого национализма проснулось, и короля искренне благодарили за быстрое решение трудного вопроса.

«Да здравствует король!» – гремела многотысячная толпа у окон Резиденции.

Людвиг не желал войны, но он был гордым потомком Виттельсбахов, и честь своего рода, славу отечества, он ставил очень высоко.

Когда война закончилась победой Пруссии и в Версале приступили к обсуждению условий, на которых произойдет объединение Германии, то Людвиг своей неуступчивостью долго тормозил дело, чем расстроил Бисмарка, который считал его своим покорным единомышленником. От Людвига II ждали инициативы – предложить прусскому королю германскую императорскую корону. Но он категорически отказался от поездки в Версаль, сказавшись больным. Король желал, чтобы Бавария сохранила право представительства при иностранных державах и свое военное устройство, а, главное, чтобы, в благодарность за услуги на поле сражения, Баварии расширили бы территорию за счет Баденского Пфальца. Бисмарку пришлось считаться с волей Людвига, тем более, что ему не хотелось начинать союз с раздоров. Он написал Людвигу длинное письмо, в котором доказывал, что если Бавария не выступит с предложением короны Вильгельму, то это сделает какое-нибудь другое германское государство, которое и пожнет лавры этого шага. И Людвиг согласился.

На всех торжествах, устроенных по этому поводу в Версале и Германии, упоминалось имя Людвига, произносились тосты в его честь его, и в эти дни ему было дано имя «Людвига Немецкого».

Дело объединения Германии, начатое Людвигом с большим воодушевлением под влиянием Бисмарка, кончилось для него разочарованием в своей роли, в своих силах, протестом оскорбленного самолюбия.

В это время Людвигу II было двадцать шесть лет.

В 1872 году разнеслась поразившая всех весть: наследный принц Отто, жизнерадостный кутила, общий любимец, сошел с ума. Говорили, будто бы слабые силы не выдержали бурной и разгульной жизни. Его пришлось поместить под надзор врачей в один из пригородных замков.

История с принцем Отто глубоко поразила Людвига. Безмерным отчаянием стал для него момент прощания с братом.

19

Ряд неудач и разочарований пополнило ощущение внутренней, растущей в глубине души, опасности. Людвиг начинает мучиться сомнениями, его тяготит неуверенность в себе. Он выражает желание оставить престол и уехать куда-нибудь в уединенное место.

Король до минимума сокращает приемы.

Слухи об отречении способствовали выдвижению оппозицией кандидата на престол в лице принца Луитпольда, дяди Людвига. Эти сведения король воспринимал как

оскорбительную нелепость. Для него было немыслимо отказаться от вдохновлявшей его любимейшей идеи, оттого, что было смыслом его жизни.

Идея королевской власти, не стесняемая никакими пределами мысли, получает в Людвиге II удивительный размах. Отныне он король своей фантазии, плоды которой и сейчас поражают, и долго еще будут поражать тех, кто окажется во владениях «Короля Альп».

Еще в первый год вступления на престол у Людвига II появилась мысль построить в Баварии замок по своему проекту.

В 1869 году около Хохеншвангау по его повелению был заложен замок Нойшванштейн и неподалеку от него, тоже в горах, дворец Линдерхоф. Пока шла стройка, руководством которой Людвиг усердно занимался, официальным местом пребывания короля считался замок Хохеншвангау. Король очень любил его. Он, вероятно, и не показывался бы в Мюнхене, если бы не его интерес к театру. Когда мюнхенцы увидели, что Людвиг приезжает в Мюнхен только из-за театра, тратит на него огромные деньги, приказывает разучивать и ставить новые пьесы для одного себя и потом запрещает их публичное представление, они были глубоко уязвлены в своих чувствах. С этих пор все странности короля начинают приобретать для них совсем иное значение. Ни одна из затей Людвига не возбуждала такого негодования и чувства обиды в мюнхенском обществе, как эти театральные представления. Какая добрая почва для сеяния слухов! И про Людвига стали говорить, что он эгоист, презирает свой народ, что странности его носят характер извращенный и опасный. Как и в предыдущих случаях, обвинения эти далеко превысили меру соответствия с действительностью.

Постройкой великолепных дворцов в горах вдалеке от любопытных взоров началась новая линия в жизни Людвига. Выразить ее можно следующими словами: «Пусть там, в городе, делают, что хотят, но мое право здесь, в горах, жить так, как я этого хочу». Эту фразу Людвиг повторял очень часто, то в форме требования, то в тоне негодующего протеста.

Свою самостоятельность Людвиг отстаивал очень энергично.

День и ночь стояли у дворца наготове запряженные лошади, но никто не знал, куда и когда поедет король. Обыкновенно Людвиг ездил в простой, маленькой, удобной для гор коляске, в сопровождении одного лакея, но иногда он требовал, чтобы запрягалась золотая карета шестеркой белых лошадей, чтобы форейторы в голубых ливреях стиля Людовика XIV окружали ее и освещали путь факелами. Сам он выходил в голубой бархатной мантии и черной широкополой шляпе с бриллиантовым аграфом.

Нередко бушевала в горах непогода, хлестал дождь, выходили из берегов горные потоки. Людвиг же, обладая завидной выносливостью и здоровьем, никогда не чувствовал холода, даже глубокой зимой. Поездки продолжались по нескольку часов.

Вставал Людвиг обыкновенно поздно и еще лежа в постели принимал своего личного секретаря, который был посредником между королем и министрами. Характерно, что все личные секретари Людвига – Эйзенгарт, Лютц, Мюллер, Циглер, уже будучи в отставке, давали вполне единогласные отзывы о характере короля и об отношении его к своим приближенным. Они сводятся к тому, что король, которого обвиняли в жестокости и деспотизме, в сущности, очень нуждался в присутствии понимающего и преданного человека. Раз, поверив в чью-либо преданность, Людвиг умел ценить ее, он привязывался к человеку, вызвавшему это чувство. В периоды хороших отношений с секретарем король осыпал его подарками, посвящал в свои планы, охотно проводил время в его обществе и, как высший знак доверия и внимания, показывал ему святая святых в своих дворцах, побывать в которых удаивались очень немногие.

Себя, как личность, Людвиг ставил высоко. Об этом говорят и его письма к Вагнеру, и отношение к окружающим. Любопытна фраза, произнесенная им однажды после посещения выставки цветов: «Мне очень жаль, что с галереи я сошел вниз, в толпу: поэтическое впечатление сменилось безнадежной прозой, ибо нельзя безнаказанно с

божественных высот спускаться в мир смертных». В то же время, собой, как королем, он не был полностью удовлетворен.

20

Не легко было Людвигу победить свое отвращение публично показываться на людях. И все же в 1875 году, неожиданно для всех, он заявил, что желает лично провести войсковой смотр. Смотр действительно состоялся, и баварские войска маршировали на параде перед своим королем. Королю было в это время 30 лет, из стройного юноши он превратился в довольно крепкого мужчину, что лишь усиливало его популярность среди баварцев. Подобное отношение к своему государю было у русского народа к Александру III, своей комплекцией напоминавшего Людвигу в пору зрелости. В том и другом случае народу импонировал богатырский, рыцарский облик государя, внушавший им даже одним своим видом уверенность и спокойствие. Тысячи граждан Мюнхена и съехавшиеся ради столь редкой возможности увидеть баварского короля иностранцы устроили ему восторженную встречу. Людвиг выразил благодарность в очень сдержанных словах и по окончании смотра немедленно уехал в горы. Впоследствии баварцы больше уже никогда не видали Людвигу II на открытом торжестве.

Присутствуя на смотре в 1875 году, король доказал, что может показываться народу, если захочет этого. Но, и не показываясь публике, Людвиг, во всяком случае, до 1881 года принимал участия в управлении страны ровно столько, чтобы быть ее действительным королем.

С Альпами Людвиг был связан целым рядом исторических воспоминаний. Его удаление из города в эту часть королевства не было случайным. С жителями горной Баварии у короля установились отношения мирные, простые и теплые. Здесь он чувствовал себя законным преемником славных предков, о которых говорил ему каждый уголок Хохеншвангау, имена старых замков, названия окрестностей и гор.

Горная или Верхняя Бавария, очень сильно отличается от Нижней. Во времена Людвигу II горные баварцы сохранили почти в полной неприкосновенности патриархальное мировоззрение и быт. Если про Людвигу можно сказать, что он родился на несколько столетий позднее, чем следовало, то и про горных баварцев уместно было бы заметить, что они сильно отстали от своих современников. Действительно, их сознание все еще оставалось цельным, в то время как у мюнхенцев, к примеру, оно уже давно было раздвоенным, и они блуждали во тьме в поисках некоего «нового света разума», но вместо света истины прельщались болотными огоньками иллюминатского учения.

Симпатия горных баварцев к Людвигу зародилась в тот период, когда, еще наследным принцем, совершал верхом свои долгие прогулки в горах. Он привлек их к себе своим красивым и ясным лицом, молодостью и застенчивой приветливостью. Когда, после недолгого пребывания в Мюнхене, Людвиг почти безвыездно поселился в горах и до местного населения дошли слухи о том, что король не ладит со своими министрами, и хочет навсегда остаться здесь, он сразу приобрел горячее сочувствие горных жителей. Разительная перемена, произошедшая во внешности Людвигу, особенно проявление печати скорби на его челе, вытеснявшей романтические проявления в его чертах, укрепила их во мнении, что это придворные интриги сделали короля несчастным. Им нравилось, что король живет среди них, что здесь, а не в чуждых им городах строит замки и пышностью своей жизни воскрешает былое величие королевской власти, воспоминание о котором, опозтизированное временем, все еще жило в народных преданиях. Они называли его «нашим Людвигом», а позже «нашим несчастным королем».

И Людвиг интересовался событиями местной жизни. При случае он всегда являлся к людям со своей щедрой помощью. Он знал, что к нему не предъявляют никаких особых требований, что и в будничном облачении он дорог каждому встречному горному

жителю. В горах и речи не могло быть ни о каком страхе, ни об оружии или охране, хотя ночные скитания и могли представлять некоторую опасность.

Людвиг любил беседовать с крестьянами, оделял деньгами детей, а девушки приносили ему цветы. Но такие идиллические сцены становились редки.

Внутренний строй интересов и увлечений Людвиг, с дней его юности, когда он читал наизусть Шиллера, мечтал о встрече с Вагнером, отделявал внутренние покои Резиденции в стиле Людовика XIV, а в зимнем саду воздвигал декорации с видом Гималаев и восточный павильон, до самого конца его жизни оставался почти без изменений. Без преувеличения все умственное и душевное стремление Людвиг можно свести к двум идеям, к двум именам – Вагнеру и Людовику XIV. Он удивительным образом всегда совмещал их в себе, два эти столь непохожие друг на друга культа неизменно владели духом короля.

Возвышенное представление о задачах королевской власти росло в Людвиге с детских лет. Но в ранней юности его влекла к себе не только пышность формы, он был чувствителен ко всему благородному и героическому. Шиллер был его первым любимым поэтом, а в 16 лет его фантазией безраздельно овладел Вагнер. Но королем Людвиг не переставал быть ни на одну минуту, и в жертву трону приносил все остальное. Со временем «королевское» стало несколько заслонять образ Вагнера, но Людвиг все делал для того, чтобы найти возможность для общения с Вагнером, хотя бы в письме поддержать и ободрить своего друга. Он посылает Вагнеру телеграмму по поводу закладки Байройтского театра, «Храма искусства», в котором король и композитор мечтали продолжить борьбу «за значение искусства»:

Из глубины души, – пишет Людвиг, – произношу я, дорогой друг, мое самое теплое и искреннее пожелание успеха в день, значение которого велико для всей Германии. Да будет благословенно великое создание, да сопутствует ему счастье. Больше, чем когда-бы то ни было, чувствую себя с вами сейчас, в моих мыслях.

Сильное чувство к Вагнеру продолжало жить в душе Людвиг. Творчество композитора теперь глубже воздействовало на него, оставаясь источником эстетических наслаждений. Как только байройтский театр был окончен, и в 1876 году с успехом три раза подряд был поставлен цикл Нибелунгов, Людвиг II, изменяя установившимся привычкам, приехал в Байройт и посетил эти представления. Вагнер с новой силой привлек к себе его внимание, а появление «Парсифаля» вызвало у Людвиг прилив восторга.

21

Театр в Байройте (Das Richard-Wagner-Festspielhaus), построенный по проекту Готтфрида Семпера, поражал современников своей технической оснащенностью, а в сочетании с безукоризненным архитектурным решением здания, он по праву был признан неповторимым достижением своего времени. Архитектору удалось полностью воплотить замысел Людвиг и Вагнера, горячо участвовавших в создании проекта на всех его этапах, поэтому они по праву могут считаться его соавторами. Об этом еще во время обсуждения проекта (5 июня 1865 года) писала «Munchner Neuesten Nachrichten».

Величественное здание высотой 48 метров вмещало 2000 зрителей. На открытие театра в Байройт съехалась публика со всей Европы. В маленьком городе можно было встретить многих знаменитых людей. Тридцатишестилетний Петр Ильич Чайковский, к тому времени уже известный композитор, также приезжал в Байройт на премьеру «Кольца Нибелунгов».

В 1875 году Чайковский получил заказ от заведующего репертуаром Императорских театров Москвы В.П. Бегичева написать романтический балет. Стояла задача создать первый русский национальный балет на симфоническую музыку. Петр Ильич принял самое живое участие в написании либретто будущего балета, настаивая, чтобы сюжет был обязательно средневековый и фантастический. Вспоминая вагнеровского «Лоэнгрин» и истории Клиндворта о сказочном «лебедином» короле Людвиге

Баварском (впрочем, и помимо него вся Европа тогда с повышенным вниманием следила за тем, с какой удивительной последовательностью Людвиг II воплощал свои невероятные архитектурные и театральные замыслы), Чайковский решил назвать новое сочинение «Озеро лебедей».

Воспеть Лебединое озеро, не побывав на его берегах, Петр Ильич не мог, поэтому в 1876 году он отправился в Баварию.

В том же году композитор познакомился с Львом Толстым; «Война и мир» уже были переведены на иностранные языки, и он был признан одним из великих писателей XIX века. И все же впечатление от байройтского чуда затмило ореол яснополянского мудреца. И это не удивительно. Сам Толстой в августе 1865 года в письме П.Д. Боборыкину раскрыл суть того, что заставляет людей вновь и вновь обращаться к одним творениям и тотчас забывать другие:

Если бы мне сказали, – писал Толстой, – что я могу написать роман, которым я неоспоримо установлю кажущееся мне верным воззрение на все социальные вопросы, я бы не посвятил и двух часов на такой роман, но ежели бы мне сказали, что то, что я напишу, будут читать теперешние дети лет через 20 и будут над ним плакать и смеяться и любить жизнь, я бы посвятил ему всю свою жизнь и все свои силы.

Чайковский в Байройте увидел и услышал то, к чему люди и в самом деле возвращаются на протяжении вот уже почти полутора сотни лет. «Кольцо Нибелунгов» поразило его своим размахом, – опера шла четыре дня. Петр Ильич приехал накануне ее премьеры 12 августа 1876 года. Сам Людвиг вместе с Вагнером слушали ее без публики с 6 по 9 августа.

В Байройте Чайковский встретил своего старого друга Карла Клинворта, а через несколько дней тот организовал встречу русского композитора с Вагнером. Она состоялась в доме Вагнера, в глубине сада. На фасаде дома создателя «Нибелунгов» Чайковский прочитал: «Здесь, где покой нашли мои мечты, покой я назову тебя, мой дом». Петр Ильич встретился и с Францем Листом, к тому времени ставшим родственником Вагнера, женившегося на дочери Листа Козиме.

Обо всем этом Чайковский сам поведал в репортажах из Байройта в газете «Русские ведомости» 13 мая, 3, 4, 14 и 18 августа 1876 года. Он писал: «Перстень нибелунгов произвел подавляющее впечатление не столько своими музыкальными красотами, которые, может быть, слишком щедрой рукою в нем рассыпаны, сколько своей продолжительностью, своими исполинскими размерами, и породил желание продолжать изучение этой сложнейшей из всех, когда-либо написанных музык».

О своей тайной встрече с Людвигом Петр Ильич ничего не написал. Король предостерег его, откровенно объяснив вызвавшему его симпатии композитору, что люди, тесно соприкасающиеся с ним, попадают под пристальное внимание тайных недоброжелателей короля и ему не хотелось бы, чтобы Чайковский с рассказом об их встрече и музицировании, оказался в поле их зрения.

Можно воссоздать атмосферу этой встречи, пользуясь рассказами о том, с каким мастерством постановщика тайн Людвиг мог фасцинировать, очаровать гостя, при этом оставаясь для него загадкой. Характерен рассказ австрийского романиста Леопольда Захер-Мазоха «Приключение с Людвигом II», напечатанный в книге Wanda von Sacher-Masoch. «Meine Lebensbeichte» («Исповедь моей жизни»): полумрак, фигура мужчины в маске, легкий аромат благовоний и голос неповторимого тембра, вкрадчивый и открытый, кажущийся знакомым и, вместе с тем, напоминающий о какой-то сверхчеловеческой неприступности...

А в Байройте помимо музыки и театра, многих поразила железная дорога, которую Людвиг провел к зданию театра. В 1871 году был изобретен трамвай и Людвиг, внимательно следивший за появлением всех технических новшеств, не преминул использовать новинку. Под № 107 в каталоге Михаэля Петцета и Вернера Ноймайстера «Людвиг II и его замки» (Prestel-Verlag, Munchen, NewYork, 1995) помещено

изображение голубого вагона, в котором Людвиг прибыл на премьеру «Кольца Нибелунгов», это расцветенная фотография Йозефа фон Альберта, придворного фотографа Людвиг.

Поездка в Баварию наполнила Чайковского впечатлениями и он, вернувшись в Россию, с удвоенной силой принялся за работу. И уже 20 февраля 1877 года состоялась премьеры его знаменитого «Лебединого озера».

Ровно через десять лет после премьеры «Нибелунгов» Людвиг погибнет. Чайковский живо вспомнил свою встречу с королем-лебедем, нашедшим смерть в водах озера. Петр Ильич погрузился в глубокие раздумья. Не явился ли он причиной смерти героя реального, как до этого стал автором гибели героя балетного?

22

Нойшванштайн (Новый лебединый камень), замок, строившийся почти одновременно с Линдерхофом, воочию представлял яркое воплощение культа Священной Чаши Грааля. Народное предание гласит, что именно в башне Нойшванштайна у Людвиг II хранилась Чаша Грааля.

Интерес к легендарному прошлому – вот что оставалось у него неизменным, глубоким, тем, что давало и Вагнеру мотивы для поэтического творчества.

В первую половину своей жизни, Людвиг любил Шиллера, но после франко-прусской войны король стал находить его слишком демократичным и с тех пор из Шиллеровских драм только «Вильгельм Телль» и «Орлеанская Дева» остаются на его сценах.

Людвигу нравятся величавые позы лиц высокого происхождения. Филипп II становится одним из его любимых героев. Восток, привлекавший его внешней яркостью, теперь заинтересовал его неограниченной властью своих деспотов. Однажды, прочитав книгу о китайском придворном церемониале, он не на шутку испугал своих приближенных намерением ввести его в этикет своего собственного двора.

Людвиг глубоко ценил литературу. Он постоянно имел под рукой все, что появлялось значительного на европейском книжном рынке. Классическая литература всех стран была представлена в его библиотеке широко, но в круг его постоянного чтения входили сочинения, так или иначе соприкасающиеся с главными идеями его жизни. К его любимым авторам относились Шиллер и Гёте, Байрон и Шекспир, Расин, Мольер и Гюго, а также Грильпарцер и Поль Гейзе. В последние 10–15 лет жизни рядом с этими авторами в библиотеке Людвиг появляются сочинения Александра Дюма и Скриба, Фурнье, Шнейдера, Брахфогеля ряд других авторов, более менее увлекательно описывавших того или другого Бурбона с их высокопоставленными современниками и великолепии жизни в Версале, Трианоне и Тюильри.

Уровень его общего образования был необычайно высок. То, чего Людвиг не успел усвоить до вступления на престол, он пополнял впоследствии прилежным чтением. Его превосходная память помогала ему приобретать знания из массы прочитанных книг, из чертежей, рисунков и в том числе из большого собрания таинственных инкунабул и манускриптов, доставшихся ему от предков. Большинство этих фолиантов бесследно исчезли после гибели короля.

У Людвиг бывали мысли стать неограниченным монархом. В начале 1880-х годов он хотел оставить Баварию и запрашивал секретаря, не согласится ли Россия продать ему Крым с тем, чтобы он мог из него сделать свое государство и неограниченно там господствовать. Не получив положительного ответа, Людвиг стал искать себе другое пристанище и отправил своего сановника с поручением найти ему необитаемый остров в Эгейском архипелаге. И всегда при нем оставалось его фантастическое королевство в Баварских Альпах.

Мечты о неограниченной монархии у Людвиг никак не связывались, с какими бы то ни было покушениями на конституционные права народа. Свой абсолютизм он даже не в мыслях не переносил на Баварию. В горестном раздумье он часто произносил фразу о

том, что «король не может сделать того, чего хочет». Он находил в себе силы отказываться от невозможного, ставил разумные границы своим желаниям. Душа его жила на безлюдной высоте фантазии. В горах строил он свое королевство – замки и дворцы, парки, гроты и павильоны. Эти реальные постройки фантастического мира Людвига, великолепно сохраненные, и красочно повествуют о силе его воображения.

Людвиг очень серьезно относился к искусству архитектуры, значившему для него гораздо больше, чем простое строительство домов. Каждое созданное им сооружение носило сложные функции воплощения тайного знания. Тысячи людей в наше время ежедневно встают в очередь к трем большим, великолепно отделанным дворцам, оставшимся после Людвига II в баварских Альпах. Линдерхоф расположен в горной долине, Нейшванштейн на высокой горе, и на востоке от Мюнхена – Херенхимзее. Из них при жизни короля только Линдерхоф был окончательно отстроен. Многие дорогие предметы, золото, утварь, художественные изделия, украшавшие дворцы, были после смерти Людвига распроданы, а вырученные деньги расхищены под предлогом уплаты его огромных долгов. Дворцы Людвига открыты для осмотра и считаются одной из главных достопримечательностей Баварии. Живая память о короле-романтике привлекает ежегодно огромное количество туристов всех национальностей.

От столетней липы, стоявшей возле охотничьего домика Максимилиана II, получил свое название Линдергоф. Людвиг любил называть Линдерхоф Малым Трианоном. Кроме того, он дал ему и другое название «Meicost-Ettal» (Ettal – название известного старинного монастыря, возле Обераммергау). Небольшая манипуляция с порядком букв превращает «Meicost-Ettal» в «l'etat c'est moi» – «государство – это я». Линдерхоф был посвящен солнцу. Символом солнца для Людвига являлся павлин, изображением этой птицы был украшен дворец и павильоны.

Линдерхоф нельзя назвать жилищем в собственном смысле этого слова. Это храм божеству, это с точностью повторенная в Баварии XIX века обстановка, в какой жили когда-то у себя французские Людовики.

Десять лет продолжалась постройка Линдергофа. Людвиг требовал исторической верности и в стиле, и в обстановке и, главное, в костюмах, позах, внешности персонажей многочисленных картин, украшающих дворец. Художники и строители много раз посылались в Париж для детального изучения Версаля и Трианона. Королю привозили груды книг, репродукций и чертежей. И сам Людвиг несколько раз ездил в Париж. Биографы короля говорят, что из всех искусств архитектура ценилась им больше всех. Семилетним мальчиком поразил он своего деда, Людвига I, сложностью и пропорциональностью своих построек из кубиков. В одиннадцать лет Людвиг уже чертил планы разных фантастических зданий, а в более зрелые годы серьезно изучал архитектуру. Везде, где бы ни был, он прежде всего интересовался зданиями, осматривал старинные замки Германии, и даже Кёльн посетил исключительно из-за знаменитого собора.

23

При жизни Людвига в Линдерхофе действовал фонтан, струя которого возвышалась на 50 метров, – захватывающая картина среди сурового горного ландшафта и темного елового леса.

Из всех выстроенных Людвигом дворцов, Линдерхоф – самый небольшой. Парадные залы занимают всего один этаж. Он пропорционален и скромнен, на фасаде – лепные украшения и статуи. Анфилада залов начинается богатым мраморным вестибюлем, в котором центральное место занимает бронзовая конная статуя Людовика XIV, над ней на потолке символическое солнце раскинуло свои золотые лучи. Все сверкает золотом, лепкой, гобеленами, дорогими тканями, канделябрами, майоликами, зеркалами, драгоценной утварью и мебелью из розового дерева. В центре этой роскоши – Людовик XIV, – на портретах, бюстах, статуях и безделушках.

На стенах аллегории «по Ватто» и «по Буше» – «Времена года». В роскошной спальне, залитой золотом, на плафоне – «Людовик XV, окруженный богинями, лежит на Олимпе», картина по мотивам Лебрена. Кругом – амурсы. В ванной комнате купающаяся Венера, богини и тритоны. Огромные зеркала многократно повторяют эту пышность, воздвигнуть которую было по средствам только королю. Художники Ваттер и Пехман, Шпиц и Фрис, Шульц и Перрон великолепно исполнили свою задачу. Король остался доволен их работой.

Любопытная деталь: культ Бурбонов нигде не нарушается чем-нибудь таким, что напоминало бы о владельце дворца, о короле баварском. Его инициалы скромно прячутся и заслоняются гербами, цветами, лилиями Бурбонов. Людвиг как бы оставался в тени и делал это сознательно, так как знал, что свое имя он вознесет на необыкновенную высоту в своем новом Монсальвате – Нойшванштайне, замке Белого лебедя, павлин же для Людвиг был птицей не высокого полета. Это подчеркнуто расположением павлиньего дворца на дне ущелья.

Линдерхоф, и другие замки Людвиг, освещались необыкновенно ярко. Тысячи свечей в люстрах и канделябрах зажигались по приказу короля. В столовых имелось приспособление, при помощи которого сервированный стол появлялся как бы сам собой, и в те вечера, которые Людвиг проводил в воображаемом обществе своих высоких гостей, он мог обходиться без слуг. Изящный в своих туалетах, он выходил к столу в костюме Людовика XIV.

Слуги видели, что король всю ночь до рассвета ходил по парадным залам, подолгу останавливался перед картинами, громко разговаривал и декламировал, садился и опять вставал, держал себя так, будто он не один. Вот и все, что известно об этих таинственных ночных приемах и пиршествах короля. Людвиг принимал своих гостей в достойной обстановке и развлекал вероятно, не менее достойными беседами. Людовику XIV он рассказывал о Шиллере, очаровательным дамам о Вагнере.

Одним из любимых павильонов, воздвигнутых Людвигом был «Грот Венеры», отчасти повторяющий «Голубой Грот» на Капри, отчасти воспроизводящий обстановку первого акта «Тангейзера». Для полноты впечатления в глубине грота располагалась большая тематическая картина. Искусственные скалы и сталактиты, гирлянды роз, обвивающие скалу Лорелеи, стол из искусственных кораллов, за которым иногда обедал король – вот обстановка таинственного грота. Небольшое искусственное озеро в центре грота, по поверхности которого скользила ладья в виде раковины.

Конечно, не обходилось без музыки. Оркестр, расположившись за скалой, играл что-нибудь из Вагнера. Еще задолго до опытов русского композитора Александра Скрябина, Людвиг задумывался о взаимодействии музыки и цвета. В то время, как играл оркестр, сотни электрических лампочек освещали грот попеременно красным, голубым, зеленым и желтым светом. Людвиг долго вынашивал мысль о постановке этом гроте первого акта «Тангейзера». Никого из посторонних Людвиг не допускал в этот романтический рай.

Фантазия Людвиг заставляла его создавать и другие необыкновенные павильоны. Неподалеку от Линдерхофа он выстроил Мароканский дом: роскошный, подстыть султану павильон в восточном вкусе.

На высоте 1800 метров расположился другой павильон – Шахен. Иногда Людвиг устраивал в них нечто вроде живых картин: слуги одевались в турецкие костюмы, располагались безмолвно в живописных позах на диванах, курили кальян. При этом и сам Людвиг, пользовался каким-нибудь кальяном из своей богатой коллекции. Верный заветам французских романтиков, он курил гашиш и опиум и с клубами дыма король переносился в своем воображении на восток.

В глубине леса, неподалеку от «Грота Венеры», среди вековых деревьев, спряталась хижина Гундинга, изображающая сцену из «Валькирии». Ее построили вокруг вековой липы, говорят, по желанию Вагнера. Хижина Гундинга мягко вписалась в окружающую природу, возможно, поэтому ее больше всего и любил Людвиг. В ней, один среди книг,

он провел много тихих часов. Чуть мрачноватая и таинственная, как иллюстрация старой немецкой сказки, увешанная звериными шкурами, чучелами животных и оленьими рогами, хижина включала в свои маленькие окна панораму сурового горного пейзажа. Узкая кровать, покрытая грубым одеялом, служила местом отдыха Людвига. Здесь он иногда оставался и ночью. В ветвях старой липы скрывалась небольшая площадка, с которой Людвиг наблюдал звезды и наслаждался красотой гор.

24

В 1880 году началось строительство еще одного великолепного сооружения, дворца Херенхимзее. Он гораздо величественнее Линдерхофа, блещет золотом, лепниной, более дорогими тканями. Его шестнадцать парадных залов названы по аналогии с залами Версаля. Восхитительна семидесятипятиметровая Зеркальная галерея, ее ширина одиннадцать метров, а высота – тринадцать. Двадцать семь окон представляют собой как бы рамы к природным картинам, неповторимым видам альпийского пейзажа. Числу окон соответствует число зеркал. Живописные картины исполнены теми же художниками, которые работали для Линдерхофа.

На вершине крутой горы, невдалеке от любимого Людвигом с детства Хохеншвангау, вырос замок Нойшванштайн, лучшее творение баварского короля. Горы, два небольших озера внизу и равнина Франкония служат ему прекрасным фоном. По замыслу и стилю он – повторение Хохеншвангау, но крупнее и великолепнее его. Грандиозная постройка потребовала укрепления горы. Замок выглядит, словно высеченный из ее вершины. Могучие контрфорсы подпирают замок со всех сторон, кое-где глубоко спускаясь в расщелины скал. Подножье горы омывает поток шумной реки Пёллат. Во времена Людвига стиль подобных сооружений называли романско-романтическим.

Как и предыдущие сооружения, замок Нойшванштайн строили, отделявали и расписывали одни и те же художники. Всего над внешним и внутренним убранством королевских замков трудилось в общей сложности 57 архитекторов, художников, декораторов и ювелиров. В Нойшванштайне они достигли высот своего мастерства. Архитектор Гофман и его помощники посвятили отделке дворца несколько лет, собирая мотивы для тканей, витражей и резьбы в старых замках и церквях Баварии. Национальные мотивы были искусно сведены и придали отделке замка несомненную высокохудожественную цельность. И это неудивительно, поскольку работали в замке те же лица, которые сумели создать в Мюнхене знаменитый Национальный Музей. Фон Шпиц, Пилоти и другие последователи Швинда были верны себе, отражая в своей живописи целое течение немецкого искусства.

Дубовая облицовка стен с богатой резьбой, сводчатые потолки, тяжелые двери с коваными скобами, лавки вдоль стен, большие изразцовая печи придают комнатам дворца старинный уют. В спальне великолепная резная готическая мебель. Над кроватью полог с месяцем и звездами, перед сном король воображал себя под открытым небом.

Рабочий кабинет богат, но строг: тяжелым зеленым шелком, расшитым золотом, обтянута столешница, из него же сделаны портьеры. Женщины нескольких баварских деревень в течение многих лет выполняли по эскизам художников и самого короля эти великолепные вышивки. Украшенные шитьем ширмы отделяли кабинет от небольшой домашней молельни. Ревностный католик, Людвиг многие часы проводил в молитве, соблюдал посты, практиковал медитации и реколлекции.

Письменные принадлежности также изысканны: чистое золото, слоновая кость и драгоценные камни. Везде и на всем – изображение лебедя. Лебедь для Людвига символизировал луну – образ целомудренной наготы и незапятнанной белизны. Кроме того, посвящение лебедя Аполлону как богу музыки восходит к поверью, согласно которому лебедь поет прощальную песню, находясь на пороге смерти.

В одной из башен замка находилась обсерватория для астрологических занятий. На стенах спальни и кабинета – изображение саги о Тангейзере и о Лоэнгрине. Во всей этой обстановке легко представляешь себе самого Людвига.

В отличие от росписей в замке Хохеншвангау, осуществленных по акварелям Швинда, повествующих в красках истории из времен предков Людвига, Гвельфов, Хохенштауфенов и Вительсбахов, в Нойшванштайне король предпочел видеть изображения германских саг, причем в трактовке народного эпоса. Тонкий знаток саг, Людвиг был превосходным консультантом художников. Так возникли изображения сказаний о Тангейзере, Лоэнгрине, о Вальтере, Тристане и других мифических героях. Самый роскошный «зал певцов» полностью посвящен Парсифалю.

В Византийском стиле, с мозаиками и богатой живописью, исполнен великолепный Тронный зал Нойшванштайна. Порфиновая колоннада поддерживает верхнюю галерею. По одну сторону большая картина изображает св. Апостолов, по другую – проповедников веры и закона всех времен и народов: Гермеса Трисмегиста, Моисея, Зороастра, Ману, Солону и Императора Августа. Далее – Георгий Победоносец и Архангел Михаил, святые королевы Елизавета и Клотильда. На плафоне – Христос, Мария и Креститель, окруженные ангелами, ниже – шесть святых королей: Казимир Польский, Стефан Венгерский, Генрих II, Людовик Святой, Фердинанд-Ка-толик и Эдуард Исповедник. Под сводами, между двумя колонами, Людвиг хотел поставить для самого себя золотой трон с крестом, гербом Баварии и своей монограммой. Желание это им не было осуществлено.

25

В Нойшванштайне король поставил динамо-машины и провел электричество. Грандиозное зрелище – десятки светящихся окон замка возникали в ночных Альпах! Им восхищался Людвиг, стоя на мосту через шумный поток Пёллат. Магия электрического освещения, завораживающая пульсация бенгальских огней, – некое подобие современных стробоскопов и лазерных лучей, – рисовали на расцвеченном небе причудливые контуры замка.

И даже после смерти Людвига Баварского, в случае возникновения вопроса, справедливо ли мнение о нем, как о короле-художнике, упоминание о Нойшванштайне объединяло людей самых противоположных убеждений, ибо замысел и воплощение замка говорили сами за себя: прекрасное творение могло быть по силам человеку одинаково одаренному властью и чувством прекрасного. В своем отношении к искусству Людвиг был, несомненно, глубоко культурен – в пользу этого утверждения говорит хотя бы мнение о нем Вагнера. С его именем связывают Национальный и Военный музеи.

Людвиг очень любил театр. Под его влиянием он и в живописи искал театральных эффектов и декоративности. Когда он заказывал иллюстрации к Вагнеру, то настоятельно советовал художникам руководствоваться при исполнении акварелей театральными постановками мюнхенского придворного театра.

По требованию Людвига портрет Марии Стюарт, моделью для которой служила понравившаяся ему актриса, художник писал на сцене. Король настаивал, чтобы она позировала в гриме при полной обстановке и давал художнику советы относительно освещения и яркости красок на лице.

Картина «Утро Марии Антуанеты» была возвращена художнику с замечанием, что придворные дамы в присутствии королевы не обмахиваются веером и, тем более не пересмеиваются с кавалерами. Кроме того, король захотел, чтобы среди присутствующих был изображен композитор Глюк.

Значение театра в глазах короля поднималось по мере того, как он вошел во вкус от присутствия на генеральных репетициях придворного театра. После отъезда Вагнера, ему неприятно было сталкиваться с мюнхенской публикой. Необыкновенно простая и столь же приятная мысль пришла Людвигу в 1872 году во время одной из генеральных репетиций: представление без зрителей не перестает быть театром!

Театр одного зрителя – эта находка целиком принадлежит баварскому королю. С этого момента публика была вхожа в Придворный Театр в дни, свободные от спектаклей для Его величества. И чем дальше шел разрыв с внешним миром, тем выше поднималось в глазах Людвига значение театра. Здесь он мог видеть жизнь такой, о какой мечтал. Пьесы выбирались самим королем, он же заказывал драматургам и новые пьесы.

В 1883 году король посетил театр двадцать пять раз. У него были определенные дни, рассчитанные по звездам, для пребывания в Линдехофе и Херенхимзее, дни для чтения отдельных книг, для поездок в Мюнхен и для посещения театра. Пьеса Брахфогеля «Нарцисс» шла, например, ежегодно 9 мая – 12 лет подряд. Приближенным короля подобное распределение времени было очень удобно, но смысл его так и остался неразгаданным. К постановке готовились задолго, но бывали случаи, когда король неожиданно отменял одну пьесу и назначал другую. К таким неожиданностям артисты должны были быть готовы всегда.

В 1884 году незадолго до смерти короля театральные представления прекратились. Причиной тому послужила, главным образом, нехватка денег и технические трудности, ведь всех пьес насчитывали 210, из них 45 были оперы.

В десять вечера, а иногда и в двенадцать ночи после звонка из покоев Резиденции король проходил прямо к себе в ложу. Оттуда ему хорошо была видна сцена, но его самого со сцены трудно было увидеть. Об этом в 1885 году говорила известная в Германии драматическая артистка Шарлотта Вольтер, гастролировавшая тогда в Мюнхене и игравшая роль маркизы де Помпадур в «Нарциссе».

Истинная причина того, что король предпочитал быть в театре без публики, заключалась в его отвращении к суматохе, неперенной спутнице любого сборища. Ничего мизантропического в его склонности лицезреть спектакли в одиночестве не было. В пользу этого говорит тот факт, что избранные личности все же удостоивались приглашения Людвига. Они занимали места в партере под королевской ложей. Как правило, это были кто-нибудь из администрации театра, автор или переводчик пьесы, не занятые в действии артисты, пользовавшиеся особым расположением Людвига. Они знали, что им не положено смотреть в сторону короля. В антрактах зал заполняла полная тишина. Монтировщики сцены надевали войлочные туфли и бесшумно меняли декорации. Также бесшумно и быстро после спектакля исчезал и Людвиг.

Околотеатральная жизнь полна слухов. Как показывает история с Людвигом, мера заполненности театра публикой не находится в какой-либо определенной пропорции с размером нелепых догадок и предположений о том, что на самом деле происходило на загадочных представлениях для короля. Чем меньше публики находилось в зале, тем противоречивей была молва о происходящем в театре. С содроганием мюнхенцы передавали друг другу «достоверные» сведения о том, что в последние годы жизни Людвиг приказывал ставить пьесы, изображавшие жестокость восточных деспотов, и испытывал особое удовольствие от происходящих на сцене казней. На основании этих слухов за Людвигом закрепилось имя «современный Нерон». Уверенность добрых мюнхенцев в том, что на королевской сцене творилось нечто невообразимое, не смог поколебать не считавшийся тайной перечень пьес, ставившихся на протяжении всех четырнадцати лет уединенных просмотров. Агенты иллюминатов внушали им нелепые домыслы.

Основой репертуара были пьесы из французской жизни, иногда с ними соперничали оперы Вагнера. В числе авторов мы нашли Дюма, Скриба, Фуше, Брахфогеля, Шнееганса и некоторых других. Вряд ли кто-то сегодня, даже из самых записных эрудитов, сможет сказать нечто о Брахфогеле, настолько проблемы, поднимаемые им в «Нарциссе», составленном из диалогов Дидро и «Картин Парижа» Мерсье, далеки от человека XXI века. И, тем не менее, уверяем вас, что ни у него, ни у других авторов, чьи пьесы ставились придворным театром Людвига II, крови по ходу действия проливается ровно столько, чтобы ее можно было заметить не далее, чем из второго ряда партера. Три капли

на платке, след раздавленной клюквы, – не более, да и то, как свидетельство исторического колорита. Кстати сказать, у того же Брахфогеля Нарцис и Помпадур умирают от неизвестной причины, а король мирится с королевой, успокоив тем всю страну, – так что разговоры о постановке ужасов на сцене Людвига – чистой выдумка злонамеренных клеветников.

Вряд ли мюнхенцы посчитали бы исчерпывающим ответ, который мог предложить им бескорыстный искатель истины: единственное, что неукоснительно требовал Людвиг от сцены, это – историческая верность в декорациях и костюмах. На это он не жалел средств.

26

В 1881 году много раз ставилась в придворном театре пьеса «Марион Делорм», на Людвига она произвела огромное впечатление. Молодой, начинающий артист, Йозеф Кайнц, был сразу отмечен королем и долго пользовался его особым расположением.

Искусство театрального актера живет не больше, чем длится спектакль, ну, разве что его последние вздохи, впечатление от увиденного, некоторым зрителям удастся донести до гардероба. Мы можем вновь и вновь возвращаться к любимившемуся произведению архитектуры, живописи, но игра актера каждый раз неповторима, в этом ее прелесть.

О Кайнце говорили, что его лицо – сцена, где персонажи сменяют друг друга с чуть заметным движением бровей, губ... И никакого грима! Улыбка – кажется, она только что была, но вдруг проступившая жесткая складка без слов показывает скорбь...

Людвиг умел замечать таланты, и ему не раз случалось своими одобрениями выдвигать начинающих, неизвестных исполнителей. Одной артистке, исполнявшей роль Брунгильды, восхищенный ее игрой король, пожаловал свою любимую лошадь. Способны ли мы сейчас оценить меру этого подарка?

Кайнца король также одаривал дорогими вещами. Был еще один подарок, не вещественный. Людвиг, сам превосходно читавший отрывки из многочисленных литературных произведений, обратил внимание молодого артиста к искусству декламации. Поначалу это несколько удивляло Йозефа. Он не знал, что в жанре чтения, в котором артист сводит к минимуму эффекты сценического движения, мимики и жеста, Людвиг видел колоссальные возможности для той симфонии актерского таланта и зрительской фантазии, которую не всегда удается исполнить в традиционной постановке, где зритель порой подавлен эффектом декораций, костюмов, освещения. Его мысли и надежды в этом направлении получили развитие на немецком радио, породив целую радиопостановочную школу чтения. Мы в России можем себе представить возможности актерского чтения по записям нашей радиоклассики или по проектам более поздним, таким, как, например, цикл радиопостановок А. Баталова.

Долгие беседы с королем, его умение выстроить драматургию речи, точно выбрать темп, использовать психологический колорит интонации, отчего голос начинал звучать то жестко и повелительно, то мягко и благозвучно оказали Кайнцу неоценимую услугу. Людвиг опередил время, отметив в артисте качества, определившие развитие театрального искусства на долгие годы вперед. Не без участия баварского короля, Йозеф Кайнц, мальчик из венского предместья, выявил черты нового театра: обостренный интеллектуализм, нервную эмоциональность и напряженную духовную жизнь. Общение с Людвигом помогло артисту увидеть в пестрой картине 70–80-х годов XIX века трагическое противостояние двух начал: белого – лебединого – романтизма и черного – драконовского – мистицизма; эти силы П.И. Чайковский показал в образах Одетты и Одиллии, а Ф. Ницше называл их аполлоническим и дионисийским началом. Ницше входил в «железный» репертуар Кайнца, неизменно на всех своих литературных вечерах артист читал «блестящие по стилю, подобные все более ярким, все более ослепительным вспышкам света» (по определению Т. Манна) произведения Ницше и чаще других – отрывки из поэмы «Так говорил Заратустра».

Людвиг часто приглашал артистов и артисток к себе ночью. Обычно он слушал их из соседнего зала, иногда скрываясь в густой зелени, или сидел, поставив перед собой большой букет цветов.

Бывали случаи, когда увлечение игрой артиста переходило в личное знакомство с ним. Его удостоился артист Родэ, понравившийся королю в роли «Вильгельма Телля» еще во время пребывания в Мюнхене Вагнера.

В 1868 году в «Мейстерзингерах» короля очаровал своим голосом и внешностью молодой артист Нахбаур. Его часто приглашали к королю, и он часами пел арии из вагнеровских опер и любимые вещи Людвиг из Вебера, Глюка, Шумана, Моцарта, Галеви, Крейцера, Верди. Людвиг привязался к Нахбауру, целовал его при встречах в лоб и говорил ему «ты». Но скромный и сдержанный Нахбаур ни на мгновение не забывал, что перед ним король. Когда Нахбаур заболел, Людвиг написал ему очень теплое письмо:

«Поберегите себя! Сделайте это ради вашей семьи и ради того, чтобы сохранить свой божественный голос! Сделайте это ради меня! Я прошу вас об этом! Я, король, не привыкший просить»!

27

Добрые отношения нередко заканчивались охлаждением из-за пронизательности короля, прекрасно разбиравшегося в людях. Горячими извинениями можно было вернуть доверие и даже вызвать у Людвиг прилив особенной нежности.

Йозефу Кайнцу после первого представления «Марион Делорм» король подарил сапфировое кольцо с бриллиантом. Его пригласили в Линдерхоф, и между королем и артистом установились на редкость дружеские отношения.

В первую же встречу, Людвиг задержал Кайнца в Линдерхофе на целых две недели. Они проводили время в возвышенных разговорах об искусстве, декламировали, посещали Грот Венеры, Хижину Гундинга, другие заповедные места, совершали ночные поездки в горы. В этот раз король подарил артисту золотую цепочку с лебедем. В их третью встречу – часы, украшенные бриллиантами.

Суровая правда заключалась в том, что романтический образ жизни вовсе не такой легкий, каким он рисуется мечтателям. Романтик-практик должен обладать завидной выносливостью. Нескончаемые декламации... ночные прогулки... что может быть более утомительным? Тяжесть усугубляла невозможность отказаться от них, что значило бы оскорбить короля своей неблагодарностью. Романтическому герою надо было постоянно быть начеку, выказывать сверхпочтительность, и, не приведи Господи, не показаться холодным. Не многие способны показать себя настоящими романтиками, Кайнцу это оказалось также не под силу, не помогло и актерское мастерство – романтика, она либо есть, либо нет.

В порыве откровения Людвиг пожаловался Кайнцу о тяжелом бремени королевского долга. Вместо того, чтобы этому движению августейшей души придать артистическую аранжировку и растворить неприятный осадок в пенном вихре декламации на тему «Ars longa, Vita brevis» и тем ободрить своего короля, Кайнц не нашел ничего лучшего, чем спросить Людвиг для чего же он не расстанется с короной? От полного разрыва отношений с королем Кайнца спасла необыкновенная симпатия Людвиг к этому артисту и его великолепное чувство юмора.

В это время и Людвиг стал более оживленным, общительным, даже как будто более здоровым физически. Происходящее относится к 1881 году, когда Людвиг уже всем казался мрачным, таинственным отшельником. Исключительное отношение Людвиг к Кайнцу способствовало началу блестящей карьеры артиста. Весь Мюнхен, казалось, обратил на него внимание. Кайнц не был равнодушен к обнаруженному им собственному влиянию на короля. Он стал просить Людвиг присутствовать на публичном представлении в Придворном Театре, где он готовился выступить. Но Людвиг не

согласился, он ответил Кайнцу теплым письмом, в котором объяснял, что публичность спектакля способна отравить наслаждение его игрой. Письмо говорит о том, что Людвиг не подозревал о стремлении Кайнца к саморекламе за счет короля. Он оставался неисправимым идеалистом, который продолжал верить людям.

Дружба с Кайнцем, несомненно, была светлым лучшем в сгущавшейся тьме последних лет жизни Людвиг. Это были те редкие отношения с человеком, который мог понять его. Людвиг на время вырвался из своего одиночества, освободился от мучавшей его тоски и гнетущего величия грез о могуществе власти, он стал просто живым человеком.

Редкостное оживление побудило Людвиг отправиться вместе с Кайнцем в путешествие. Была выбрана Швейцария. Людвиг пожелал путешествовать инкогнито и назвался маркизом Саверни. Кайнц продолжал носить имя своего сценического героя Дидье. Напрасно баварское правительство требовало, чтобы в свите Людвиг находился кто-нибудь из высокопоставленных лиц, король был непреклонен, он решил ехать только с Кайнцем.

27 июня маркиз Саверни и его друг Дидье отправились в Люцерн вагоном первого класса обыкновенного поезда, и далее на пароходе в Бруннен. Популярность баварского короля в Швейцарии не позволила Людвигу путешествовать неузнанным. К моменту прибытия парохода вся набережная в Бруннене переполнилась желающими приветствовать Людвиг.

Мечта о скромной и тихой жизни в обществе одного только Кайнца рухнула. Людвиг категорически отказался высадиться на берег. В конце концов, при виде искренне радостных лиц приветствовавших его людей, он перестал сердиться, он даже растрогался и сказал, что «эти швейцарцы, в сущности, хорошие люди». Но осада отеля любопытными повергла его в уныние. Через несколько дней им удалось устроиться на уединенной частной вилле и почувствовать себя дома.

На озере к услугам Людвиг был маленький пароход, и все ночи он и Кайнц проводили в прогулках. Людвиг делился с Кайнцем своими обширными познаниями из истории Швейцарии, Кайнц декламировал монологи Вильгельма Телля. Ужинали они в маленьком ресторане, в котором Людвиг подолгу беседовал с хозяином о швейцарских нравах и обычаях, о народных песнях и сказаниях.

Безмятежная жизнь вскоре закончилась. Однажды, когда время было далеко за полночь, Людвиг обратился к Кайнцу с просьбой продеklamировать что-нибудь из любимейшего ему репертуара артиста. Кайнц, поддавшись очарованию простых отношений между ним и королем, позволил себе отказаться, сославшись на усталость. Людвиг, ни слова не говоря, вышел из ресторана, отправился на пароход и уехал домой. На вопрос прислуги, надо ли ждать господина Дидье, он ответил иронически: «Дидье устал, пусть отдохнет».

Кайнц просил у короля извинение. Людвиг простил его. Вскоре инцидент повторился, дело кончилось тем, что, не извещая артиста, Людвиг уехал в Люцерн. Кайнц еле догнал короля, умолил его о прощении, получил приглашение в вагон королевского поезда, но их дружбе пришел конец. По возвращении в Баварию они уже больше не встречались. Кайнц не участвовал в королевских спектаклях и вскоре оставил Мюнхен.

Людвиг не имел вражды к бывшему другу, это видно из письма:

Надеюсь, что Дидье будет дружелюбно вспоминать время от времени своего Саверни. Приветствую вас сердечно. Да витают над вами добрые духи! Желая этого от всего сердца.

*Дружески к Вам расположенный
Людвиг.*

Кайнц, величайший актер своего времени, сравнимый с Дэвидом Гарриком, Марией Ермоловой, Александром Моисси и Василием Качаловым с годами много глубже понимал ту роль, которую Людвиг сыграл в его жизни. Вспоминая о короле, Кайнц говорил

одному из друзей: «Какое высокое, чудесное, невыразимо сладостное чувство всей душой отдаться духу поэзии, пережить все, что чувствовал поэт, – безграничную радость и глубочайшее горе, дикий восторг и бушующее отчаяние, пламенную любовь и кипящую ненависть...».

28

До 1880-х годов положение Людвига на троне, несмотря на все козни врагов, оставалось незыблемым. Народные массы выказывали ему свое радушие, жители Верхней Баварии его боготворили. Либералы хранили признательность за его былую поддержку и не теряли надежды, что в нужную минуту он им окажет ее снова. Людвиг в исполнении своих обязанностей был точен и аккуратен, но это никак не усыпляло бдительную оппозицию, наметившую кандидатом на престол принца Луитпольда.

С наступлением 1880-х годов Людвигу стала изменять его выдержка. Все чаще он не мог уже заставить себя вникнуть в доставляемые ему бумаги, они не просматривались и подолгу оставались неподписанными. Он все больше чурался людей и, не желая видеть возле себя человека, который считал бы своим долгом напоминать о его королевских обязанностях, сделал неосторожный шаг – отстранил от себя личного секретаря. После этого король стал общаться с министрами через придворного курьера и камердинера, часто даже не письменно, а устно. Это была двойная неосторожность. Оппозиция увидела в этом доказательство того, как мало король придает значения делам управления государством. И она не замедлила использовать это положение с тем, чтобы окружить короля ненадежными людьми. Таким человеком был камердинер Майр, льстивый и двуличный. Людвиг считал его подозрительным и до того не выносил его лица, что велел ему показываться перед собой не иначе, как в маске. Но избавиться от него, все-таки, не мог.

Недовольство королем, начавшееся в Мюнхене после франко-прусской войны, усиливалось. Дружба с Кайнцем пошатнула его авторитет. Уже не только одни консерваторы, стали приходить к убеждению, что смена правления необходима. Партийное противостояние смягчалось беспринципностью принца Луитпольда, к которому, по старшинству, должно было перейти регентство, был человеком уступчивым. Достаточно было либералам получить уверенность в том, что их министерство останется неприкосновенным, и они готовы были примкнуть в вопросе смены правления к консерваторам.

Оставалось найти повод.

Им могли быть доказательства невменяемости короля. Вот тут-то слуги, которые были подсланы к Людвигу, могли сыграть роковую для него роль, потому что были единственными свидетелями его образа жизни. Разыгрывая преданность королю, они докладывали в Мюнхен обо всем, что происходило в горах. Приходится с осторожностью относиться к сведениям о последних годах жизни Людвига, единственным источником которых являются эти шпионы. Достаточно вспомнить, что ни один врач-психиатр никогда не наблюдал и не исследовал Людвига, что последовавшее в 1886 году провозглашение его неизлечимо больным было сделано заочно.

29

Разрыв с Кайнцем оказался сильным потрясением для Людвига. Он возвратился в горы еще более мрачным, чем бывал ранее. И к нему вернулась прежняя одинокая жизнь, бодрствование по ночам, фантастические приемы в великолепных залах Линдерхофа и Херенхимзее, декламации, разговоры с картинами и долгие скачки по горам. Привычные лица ближайших слуг становятся для него невыносимыми. Он заставляет их низко наклонять голову при встрече, предпочитает общаться с ними через специально устроенное отверстие в двери рабочей комнаты.

1882 год был годом последнего триумфа Вагнера, о котором сам он писал баварскому королю:

Я не напишу больше ни одной ноты, ибо дело мое завершено! Свою миссию, несмотря на враждебный натиск противников, я осуществил победоносно и счастливо!

Это письмо написано после невиданного успеха первых представлений «Парсифаля» в Байройте. Людвиг ждали туда, но он не нашел в себе сил нарушить свое уединение. Но в то время Людвиг уделял гораздо больше внимания Вагнеру. Музыка «Парсифаля» поразила его. Также внимание короля привлекли эскизы к декорациям «Парсифаля». Их автор, Паоло фон Жуковский, сын знаменитого русского поэта В.А. Жуковского, работал тогда в Байройте.

Удивляет отказ Людвигу Вагнеру в его желании увидеть короля, когда композитор в год своего триумфа проезжал через Мюнхен. Возможно, Людвиг не хотел последнего свидания: через несколько месяцев Вагнера не стало.

В 1884 году король вдруг выразил желание видеть зубного врача, и задержал его у себя на несколько часов. Врач сделал вывод, что король и не собирался лечить зубы, а хотел найти повод показать лицу, близкому ко двору, что слухи о его болезни неосновательны. Людвиг догадывался, что его хотят объявить сумасшедшим. Время от времени он предпринимал шаги, опровергающие эти слухи. Так он выезжал на прогулку и много и долго разговаривал с крестьянами. Да и зубной врач, вспоминая, что во время его визита Людвиг хотя и казался очень усталым, но говорил разумно, связно и, как всегда, интересно и оригинально. Он менял темы беседы, но выслушивал собеседника и отвечал ему очень обстоятельно.

О, если бы Людвиг находил в себе силу воли чаще давать подобные доказательства своей нормальности, он мог бы вполне изменить свою судьбу!

Так думаем мы, выбирая первую и естественную для нас мысль, рожденную чувством самосохранения. В своих рассуждениях Людвиг шел дальше этого, королю казалось унижительным таким образом доказывать свою дееспособность. И он поступал так, как велит честь.

В 1885 году встревоженная усиленно распространяемыми слухами о душевном состоянии Людвигу, его мать, королева Мария, пожелала видеть сына, чтобы уговорить его показаться в Мюнхене и вести более открытый образ жизни. Под благовидным предлогом Людвиг отказался от встречи с матерью.

Время описываемых нами событий характерно тотальными потрясениями для всей Европы. Людвиг содрогнулся, узнав об убийстве Императора Александра II, семью которого в 1864 году он принимал в Баварии. Кровавый рассвет Парижской коммуны внушил ему неприязнь к широким демократическим слоям населения и опасение народных мятежей. Ему были памяты угрозы революции в момент протеста мюнхенцев против Вагнера, они вселили в короля постоянное ожидание угрозы со стороны жителей столицы.

С этих пор Людвиг стал проявлять постоянную тревогу за свою жизнь. Он появлялся в Мюнхене под сильной охраной, но по-прежнему не боялся совершать ночные прогулки в горах. Без опасения подходил он к крестьянам, но не переносил посторонних лиц, в особенности туристов и рабочих.

Приближенные Людвигу пользовались слабостями короля, чтобы сделать свою жизнь более спокойной и удобной. Дабы умерить нетерпеливое желание Людвигу лично следить за начатыми им постройками, по совету неких остроумцев, ему доложили однажды, что на одной стройплощадке нашли большое количество динамита. Этого было достаточно, чтобы король уже никогда не появлялся в местах построек, довольствуясь обозрением издали. Как знаком нам этот нехитрый, но коварный способ шантажа – угроза взрывов!

Слуги Людвигу в последнее время его жизни не отличались особым бескорытием. Камердинер Майр, не взирая на строжайший запрет короля, за большую плату показывал

иностранцам дворцы, пользуясь отсутствием или даже сном короля. Не вовремя проснувшийся Людвиг, увидел однажды в парке компанию англичанок, бесцеремонно наводивших бинокли на окна дворца. Привлеченный к ответу, Майр начал бессовестно убеждать короля, что этого не могло быть, что ему это только показалось. Опять эти наглые намеки о неадекватности короля!

Не в чем другом, как в страсти к строительству замков, агенты иллюминатов заставляли окружающих видеть болезненность короля. Последователи «вольных каменщиков» в действительности делали то, что называется перекладыванием с больной головы на здоровую. Они же заостряли внимание на желании Людвига ускорить строительство. «Немедленно», «сейчас же», «сегодня же», – писал король в своих приказах, не считаясь с реальностью. Возникла сумятица, этим пользовались паразиты, разъедавшие тело монархии, попутно поглощая огромные деньги. Херенхимзее перестраивался, непрерывно украшался предметами все большей ценности и великолепия. Около Линдерхофа возводился дворец в китайском стиле. На отвесной скале, на границе с Тиролем Людвиг начал строить рыцарский замок Фалькенштайн, требуя, чтобы он превосходил величием все королевские дворцы Баварии. Подлинный энтузиаст, Людвиг делал запросы ученым, нельзя ли устроить в Баварии искусственный вулкан и мечтал о летательном аппарате.

30

В 1884 году через министра финансов Людвиг получил займы в размере 1,5 млн. марок, а в следующем году потребовал такой же суммы. Министр финансов фон Ридель описал королю печальное состояние королевской кассы и объявил, что займы невозможны. Возник скандал, чуть не повлекший за собой смены министерства, но Людвиг опомнился, извинился перед Риделем и не поднимал больше вопроса о деньгах. Он решил достать деньги каким-нибудь другим путем.

Это послужило поводом оппозиции для смещения короля. Легко было предположить, что взвинченное состояние, в каком находился король, озабоченный поисками денег, толкнет его на какой-нибудь опрометчивый поступок.

В роли постановщика интриги выступил граф Макс фон Холнштайн, пользовавшийся некогда большим доверием Людвига. Он занимал всегда видные посты при дворе, от которых король отстранил его в 1883 году, узнав о его связи с иллюминатами, – граф состоял в ордене в степени жреца. Граф знал привычки короля, и знал его слуг. Хессельшверд и Майр все королевские приказы, проходившие через их руки, должны были доставлять на просмотр Холнштайну. В результате широкую огласку получило известие, что у баварского короля сумма долгов достигла 14 млн марок. Ее обсуждали на биржах и в газетах.

В собственной стране Людвиг II не имел возможности получить кредит. А за баварскими горами был целый мир. И король послал своих адъютантов к королям: бельгийскому, шведскому, бразильскому, к американским миллиардерам, к Ротшильду и к тем своим родственникам, с которыми у него сохранились дружественные отношения. Родственникам он написал, что если не раздобудет денег, то покончит с собой, ибо тогда ему больше не для чего жить. Людвиг хотел достать 50 млн., чтобы погасить долги и продолжать свои постройки. По мере ожидания ответов на свои письма король становился все более раздражительным.

Тем временем выяснилось, что кроме как на Орлеанских герцогов, пожелавших помочь Людвигу, ему больше не на кого было надеяться. Орлеанские герцоги или не верили слухам о болезни баварского короля, или имели причины не брать их в расчет, а потому изъявили готовность быть посредниками между Людвигом II и сверхбогатым бароном Ротшильдом. Людвиг был уступчив и соглашался на любые условия.

Наконец, король, не подозревая о двуличии Хессельшверда, вручил ему вексель в конверте, запечатанном личной королевской печатью, и поручил отвезти его в Париж

Ротшильду. Хессельшверд, зная, что содержится в конверте, доставил его графу Холнштайну. В Мюнхене давно ждали этого момента. Граф Холнштайн передал конверт королю в совет министров, где его вскрыли в присутствии принца Луитпольд. Затем последовало подготовленное заранее единогласное решение об устранении Людвига II от государственных дел.

Условия, на которых Людвиг мог получить займы у Ротшильда, не получили огласки. Они были откомментированы заинтересованными лицами так, что король Баварии выглядел либо больным, либо врагом собственной страны и ее народа. В итоге, решение отстранить Людвига от престола диктовалось якобы опасностью, которая представляла болезнь короля. Четыре известных мюнхенских психиатра, состоявших в орденах в степенях направителей и старших иллиуминатов, заочно объявили короля страдающим неизлечимой формой паранойи.

Семейному совету Виттельсбахов предстояло решить вопрос, в какой форме отныне будет протекать жизнь короля. Из истории последнего русского монарха, священномученика Николая II, мы знаем, какая неприкрытая вражда может исходить от высокородных родственников к тому, кто, облеченный верховной властью, позволяет себе какие бы то ни было проявления идеализма. Поэтому нам легко представить себе родственные отношения Виттельсбахов к Людвигу. Немногие родственники Людвига относились к нему хорошо. Подкупленные слуги короля рисовали его буйным и опасным больным, и родственники после недолгих обсуждений большинством голосов (лишь двое были против) решили перевезти Людвига из Нойшванштайна в меньший дворец под медицинский надзор, какой установлен над принцем Отто.

31

Комиссия во главе с графом Холнштайном в сопровождении санитаров отправилась из Мюнхена в Нойшванштайн для исполнения принятого решения.

Во всей этой истории помимо столкновения мечты и реальности, конфликта короля-романтика и прагматичных политиканов, есть тайное противостояние между инспирированным общественным мнением и народной молвой о судьбе короля Людвига II. Память о «нашем Людвиге», «несчастном короле» еще живет в Баварии, волнует воображение народа, особенно в деревнях. И многие годы после его смерти в предгорьях и в Верхней Баварии нельзя было найти ни одного дома, где бы ни было портрета или бюста Людвига, где бы ни вспоминали его с необыкновенной теплотой. Так получилось, что никем не понимаемый и не принесший никому конкретной пользы «король-романтик», вызвал в народе самое искреннее чувство к себе. Благоговение и серьезность, сострадание и неутрачиваемая боль сквозит в разговорах о Людвиге и его недолгой одинокой жизни, промелькнувшей сверкающей сказкой.

В Баварии народ убежден, что известна настоящая правда о смерти Людвига. Многие уверены, что ее скрыли те, кому она неудобна. Время от времени в Баварии появлялись брошюры на тему таинственной смерти Людвига, полиция с рвением занималась их конфискацией. Только и без брошюр на эту тему продолжались разговоры за кружкой пива. В народе имя Людвига окружено ореолом мученичества.

Оставив в стороне легенды, нельзя оставить без внимания жестокость и сухость формального отношения к королю со стороны его двора, что бросалось в глаза даже тем, у кого не было причин особо симпатизировать Людвигу. Причина такого отношения к королю остается тайной, как и то, почему был выбран именно такой путь лишения Людвига Баварского власти.

Глубокой ночью с 9 на 10 июня 1886 года в Хохеншвангау из Мюнхена прибыла вереница придворных экипажей.

Незваные гости намеревались захватить Людвига врасплох и обескуражить известием о лишении его свободы и права выбора слуг и места жительства. Изощренная подлость мюнхенского заговора заключался в том, что во главе упомянутой комиссии поставили графа Холнштайна. Медицинскую часть возглавил доктор Гудден. Несмотря на удаление

Холнштайна от занимаемого им поста, Людвиг все же питал к нему доверие, поэтому возможность увидеть его в роле оборотня, должна была поразить короля и лишить его воли к сопротивлению. Относительно доктора Гуддена у короля имелось стойкое предубеждение, вызванное воспоминаниями о болезни брата Отто. Людвиг догадывался, что болезнь брата вызвана не естественными причинами, а постоянным отравлением принца препаратами атропиновой группы. Их подсыпали в пищу Отто по приказу доктора Гуддена. Эти препараты вызывают сильнейшие галлюцинации и приводят к полной деградации личности. Пристальный, оценивающий взгляд Гуддена вызывал неприятные ощущения у Людвиг.

Вся комиссия состояла из сопровождавших Холнштайна нескольких придворных, Гуддена с ассистентом и восьмерых санитаров. Захват короля представлялся комиссии столь простым, что ее не сопровождала охрана, не говоря о том, что они не имели при себе никакого официального документа, подтверждающего легитимность происходящего.

В эту ночь Людвиг, как обычно, не спал. Он собирался отправиться из Нойшванштайна на прогулку и ждал, когда подадут заказанную коляску. В ожидании ее король ходил взад и вперед по ярко освещенному залу и что-то громко декламировал.

Граф Холнштайн, зная королевские привычки, отправился в конюшню. Он велел распрячь коляску, а слугам уйти, дескать, король поедет в другой карете и с другим кучером. Граф полагался на Хессельшверда и Майра, но были и другие слуги, искренне преданные королю. Он также не представлял, что здесь, в горах, Людвиг жил среди населения, которому посланники из Мюнхена не внушали добрых чувств. В Мюнхене не знали доподлинно той степени готовности прийти на помощь своему королю, в которой находились местные жители.

Кучер Людвиг, верой и правдой служивший ему много лет, почуял подвох в приказе Голнштейна и предупредил об этом короля. Горной тропой добежал он до Нойшванштайна. При содействии камердинера Вебера, сменившего в эту ночь Майра и ни во что не посвященного, кучер добрался до короля, бросился перед ним на колени и стал умолять его бежать через горы в Швейцарию. Людвиг понял, что прибытие господ из Мюнхена не предвещает ему ничего хорошего, но его доверие Хессельшверду было слишком велико, и он ответил, что пока Карл (Хессельшверд) ни о чем его не уведомил, а потому бояться нечего. Тем не менее, на всякий случай он велел созвать крестьян соседних деревень для охраны замка.

В течение часа сотни крестьян с ножами и топорами окружили Нойшванштайн. Мэр соседнего городка Фюссена прислал всю свою полицию и пожарных.

Мюнхенская комиссия, с рассветом появившаяся у ворот замка, услышала враждебные крики и угрозы. По приказу короля комиссию арестовали и под сильной охраной отправили обратно в Хохеншвангау. Жандармы употребили большие усилия, чтобы уберечь ее членов от нападения раздраженной толпы. Крестьяне проклинали сановников и врачей, называли их предателями и грозили сбросить в Пёллат. Особенно досталось Гуддену, за то, что именно он объявил короля ненормальным.

Спасенный Людвиг пребывал в сомнении. Слуги продолжали уговаривать его бежать. Он послал телеграмму в Мюнхен своему адъютанту графу Дюркхайму, которому верил, чтобы тот немедленно прибыл к нему; телеграфировал Бисмарку и австрийской императрице с просьбой заступиться за него.

Через несколько часов он приказал отпустить комиссию, запертую в подвале, но крестьяне не выполнили его приказ.

В несколько последующих дней Людвиг постоянно находился на глазах многих посторонних людей, но ни взрывов отчаяния, ни раздражения он не выказывал. Любая комиссия, прибывшая для освидетельствования душевного состояния короля, не могла

бы не заметить, что если она и имеет дело с больным, то, определенно не с таким буйным и опасным, каким он представал исходя из донесений подкупленных и запуганных Хессельшверда и Майра.

Всех поражала выдержка и спокойствие Людвига, и все-таки в эти последние дни у него хватило воли не бороться с судьбой. «Он дал судьбе сокрушить себя» – заключил впоследствии Бисмарк.

Людвиг держался с обычным достоинством. Он исполнял все, что от него хотели, не выказывал ни удивления, ни протеста. С Гудденом был предупредительно вежлив. Гудден считал своим долгом познакомить Людвига со всеми мюнхенскими постановлениями. Он сообщил ему, что, по конституции король может вернуться к власти, если его неспособность руководить государственными делами продолжится не дольше года, а доктора приложат все усилия для его лечения. Людвиг иронически поинтересовался, как можно было объявить его душевнобольным, если врачи давно не видели его, и зачем собираются его лечить, признав неизлечимым? Возможность вернуться к власти мало успокоила его: «L'appetit vient en mangeant, – сказал он, – мой дядя (Луитпольд), попробовав власти, не захочет уступить ее, а со мной не так уж трудно будет справиться».

Людвиг не ошибся в преданности своего адъютанта графа Дюркхайма, тот приехал в Хохеншвангау полный решимости сделать для короля все возможное. Он знал, что в Мюнхене поняли свой просчет, и что новая комиссия не замедлит явиться, подкрепленная войсками и правительственным манифестом. Дюркхайм убеждал короля, что надо действовать немедленно, предлагая ему два выхода: прибыть в Мюнхен и лично защищать свои права, или бежать.

Бисмарк прислал телеграмму, в которой настойчиво предлагал Людвигу появиться в палате депутатов. Из Австрии извещали, что королю будет оказано гостеприимство. Елизавета Австрийская была в это время у своих родственников в Поссегхоене на Штарнбергском озере и хлопотала о вмешательстве в судьбу Людвига иностранных держав.

Людвиг не мог решиться на что-нибудь. Граф Дюркхайм прибыл слишком поздно, возбуждение, охватившее Людвига при первом известии об опасности, улеглось и сменилось смирением. На все просьбы предпринять что-нибудь он отвечал, что надо все обдумать и подождать. Король никому не говорил, что для себя он уже принял решение. А в Мюнхене не замедлили издать правительственный манифест об устранении короля от престола, и каждый, защищающий Людвига, рисковал быть обвиненным в государственной измене.

Прибыли жандармы и сменили преданную королю охрану замков. По требованию военного министра, оставшийся верный королю, Дюркхайм отбыл в Мюнхен. Его строго наказали за сочувствие королю: по возвращении в Мюнхен он был арестован. За неимением улик его выпустили, но он долго оставался в опале.

Людвигу отказали в поездках в горы и он понял, что это плен. В глубокой тоске ходил он по замку и, не зная о продажности Майра, советовался с ним о побеге. Возможность побега представилась в дежурство камердинера Вебера, которого почему-то считали надежным. Под видом жен служащих замка в него проникли две женщины и передали королю предложение группы крестьян, которые, если понадобится, по кратчайшим горным тропинкам могли донести короля на руках до границы с Тиролем. Людвиг и на этот раз отказался, не хотел допустить столкновения крестьян с окружавшими замок войсками.

Наступила последняя ночь Людвига в Нойшванштайне.

Утром ждали комиссию. За окнами шел дождь. Король не спал. Он обошел замок, словно прощаясь с ним, осмотрел все картины. Людвиг пил коньяк и по временам говорил что-нибудь Веберу. За верность король подарил ему свой бриллиантовый аграф, который

постоянно носил на шляпе, и для того, чтобы у камердинера были доказательства дара, подписал бумагу.

Близилось утро, тоска все больше охватывала Людвиг. Он говорил о смерти, но отказался от предложенного яду, – в домашней аптечке Людвиг имелось большое количество морфия.

По словам Вебера, Людвиг объяснил, что его пугало – судьба его брата. Он знал, в каких нечеловеческих условиях живет принц Отто. Каждый служитель при малейшем ослушании грозит ему кулаком.

Утром комиссия была уже в замке, но король не знал об этом. Распахнулась дверь в вестибюль, и он столкнулся со своими врагами. Впереди всех стоял доктор Гудден и говорил о тяжести возложенной на него задачи. Увидев короля, он произнес: «Вы арестованы!» И тут же, как змеи, к королю потянулись руки предателей. «Что это значит, что это значит?» – встревожено спросил Людвиг, но тотчас самообладание вернулось к нему и он отчетливо произнес: «Не прикасайтесь, я следую добровольно».

Крестьяне издали наблюдали, как увозят их короля. Оцепление вокруг Нойшванштайна из мюнхенской стражи не давало возможности подойти поближе. Людвиг показался им бледным, но решительным. Он ласково попрощался со слугами, долго кланялся крестьянам. Из Нойшванштайна короля должны были перевезти в замок Берг. На поворотах спускающей его вниз дороги Людвиг из экипажа старался еще раз увидеть замок, растворяющийся в тумане.

Берг выбрали местом заточения потому, что Линдерхоф, предполагаемый для этой цели вначале, не представлялся организаторам переворота надежным. Им донесли, что лейб-егерь короля собирает крестьян для того, чтобы отбить Людвиг у конвоя там, где дорога на Линдерхоф близка от границы с Тиролем. И короля повезли в скромный замок Берг на Штарнбергское озеро. Там, вдохновенно общаясь с Вагнером, Людвиг провел лучшие дни своей жизни. И там на лебедином озере его ожидала гибель.

33

12 июня 1886 года в полдень мрачный кортеж прибыл в замок Берг. Когда-то в период счастливой юности Людвиг устраивал на крыше замка Берг бассейн с искусственной волной. На лодке в костюме Лознгина он покачивался под звездами на голубой волне, подкрашенной медным купоросом.

К встрече короля подготовились. Ему отвели две комнаты с решетками на окнах и проделанными отверстиями в дверях для постоянного надзора.

Людвиг ко всему оставался безучастен. По настоянию доктора он рано лег спать, но в два часа ночи поднялся и, не получив от служителя своей одежды, полуодетый, до утра, мерил шагами комнату.

На 13 июня выпал первый день Святой Троицы.

Людвиг выразил желание присутствовать на богослужении. Узурпаторы не пожелали выпускать из своих цепких лап короля, горячо любимого народом, и Людвиг на службу не пустили. Это был самый тяжелый удар для благочестивого короля.

В 11 часов утра, в сопровождении доктора и двух служителей, Людвиг отправился на прогулку.

Замок Берг со всех сторон окружен большим парком, который спускается к озеру. На одной из скамеек, стоящих у дорожки вдоль берега озера, Людвиг остался довольно долго, непринужденно беседуя с доктором. Гуддену доставляло удовольствие, что все складывается тихо и гладко.

Около 18 часов он телеграфировал в Мюнхен министру-президенту фон Лютцу: «Здесь все идет удивительно хорошо». Это был сигнал к последнему акту штарнбергской трагедии. Чтобы укрепить к себе доверие пациента, доктор разрешил ему недолгое свидание с одним высокопоставленным лицом, хорошо знакомым с королем, которое находилось в замке.

Спокойствие Людвига было вызвано решимостью испить до дна чашу, приготовленную ему судьбой. Единственное его расстраивало – к нему не пускали никого из старых слуг. Лишь только после того, как его уверили, что к приготовлению для него пищи доктор Гудден не имеет никакого отношения, он согласился принимать ее. Людвиг знал, на что способен «пытливый» ум Гуддена по экспериментам доктора над братом короля Отто, превратившим его с помощью наркотиков в животное.

В 16.30 Людвиг плотно пообедал, выпил два бокала Майвейна, три бокала Рейнвейна и бутылку Мадеры.

Вечером пошел дождь.

В 18.45 Людвиг и доктор взяли зонты и отправились на вторую прогулку. Гудден отпустил служителей, не зная того, что вызванные им из Мюнхена убийцы, получили секретный приказ убить не только короля, но и его самого. Из замка видели, как король и доктор вдвоем скрылись за поворотом аллеи в том же направлении, что и утром.

По плану Холнштайна тело убитого Людвига должно было быть утоплено на дне озера, а труп доктора брошен на берегу. Это позволило бы короля обвинить в убийстве Гуддена и в побеге за границу к врагам Баварии. Граф Холнштайн знал, что на другом берегу Штарнбергского озера с приготовленными лошадьми и слугами в это время Людвига ожидала его верная подруга, Елизавета Австрийская, желая спасти короля от унижительного заточения.

Спустя три часа после ухода Людвига и Гуддена в замке обеспокоились их долгим отсутствием и стали их искать.

А в два часа ночи судебно-медицинская комиссия осматривала найденные в озере тела короля и доктора, констатировав их смерть.

Короля и доктора обнаружили недалеко от берега, там, где вода едва доставала груди взрослого человека, что явно не входило в планы заговорщиков.

Разгадку тайны появления тела Людвига у берега знают штарнбергские рыбаки. Они рассказывают, что опечаленные убийством короля русалки сняли с его груди тяжелый камень и вынесли его тело на мелководье.

Поля шляпы Людвига были надорваны, а лицо, лоб и нос Гуддена расцарапаны, под правым глазом – кровоподтек. У скамейки лежали зонты, песок возле берега был сильно изрыт следами ног нескольких человек.

Народ был потрясен кончиной Людвига. В течение трех дней тысячи людей всех сословий приходили к гробу своего любимого короля, украшенному цветами. 19 июня 1886 года Людвиг II Баварский был похоронен.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Людвиг II Баварский был последним мистическим королем, сознававшим свою миссию. С его смертью окончилась прекрасная эпоха европейской культуры. Он был одним из тех гениев стихийной мощи, бьющей через край плодовитости, которые на склоне дней высокой культуры с удивительным искусством умели пользоваться всеми средствами, накопленными предыдущими веками и вместе с лучшими достижениями человеческого ума и рук современности создавали редкие по совершенству произведения.

Людвиг знал о всех направлениях развития техники и старался применять ее достижения, тем самым не только оснащая новинками инженерную часть своих архитектурных и театральных замыслов, но и стимулируя целые отрасли промышленности к изобретению, усовершенствованию и выпуску полезных механизмов. Электротехнический концерн Сименс поднялся получая заказы Людвига, они послужили толчком к тому, чтобы современная Бавария стала одним из технически развитых регионов Европы.

В своей жизни Людвиг много пользовался техникой, которую он выискивал на различных выставках и ярмарках, выписывал по каталогам. Он одним из первых начал

пользоваться телефоном, телеграфом, лифтами, автоматически открывающимися дверьми и пневматической почтой, построил железную дорогу. То, что теперь широко применяется во всем мире – получение искусственной волны в бассейнах, стало возможным благодаря модернизации специальной машины, изобретенной Людвигом.

Среди королей баварский первым занялся воздухоплаванием. Людвиг поднимался на воздушном шаре, чтобы созерцать любимую Баварию с высоты лебединого полета. Он мечтал о более мощных летательных аппаратах. Теперь десятки энтузиастов на воздушных шарах и дельтапланах летают над его замками, фотографируя их и снимая на видео. Людвиг очень любил фотографию, его придворный фотограф Йозеф фон Альберт постоянно снимал дворцы и замки короля, коллекцию его произведений искусства, актеров, сценические декорации и самого Людвига.

К технике Людвиг относился по-леонардовски – творчески, – он видел в ней союз науки и искусства, прежде всего, исходя из греческого понимания «техне» – искусство. Кроме того, технические чудеса для Людвига были лишь устройствами для облегчения работы его многочисленных слуг. Нойшванштайн был оборудован электричеством, насосами для воды, лифтами.

Вся эта по-настоящему просветительская деятельность одного из самых передовых людей своего времени никак не вязалась с образом одиозного короля-фантазера, который создавали для Людвига иллюминаты. Их «просвещение» – свет, преломленный, искаженный падшим ангелом света Люцифером, не смог навсегда затмить свет любви и красоты, которым осияна жизнь Людвига. Но многое в деле преломлении правды им удалось завершить. Следующей их жертвой после Людвига стала Елизавета Австрийская, ее убил посланный ими анархист в 1898 г. в Швейцарии. Полиции он сообщил, что хотел убить и итальянского короля, но не имел денег на билет. В том же году не стало и другого верного друга Людвига – Бисмарка. И уже в начале следующего века крупнейшие империи лишились своих императоров и перестали существовать.

После смерти «короля-романтика» техника также вышла из-под контроля человека, ей начали поклоняться как идолу. В 1886 году не стало Людвига, а уже в 1887 году во Франции начали и через два года завершили постройку циклопической Эйфелевой башни и запретили исполнение сочинений Вагнера.

Не только запретами, но искажениями образа и смысла союза техники и искусства нувориши от модернизма принялись за уничтожение европейской культуры. Альберт Шпеер, главный архитектор Третьего Рейха, в своих воспоминаниях, написанных в тюремном замке Шпандау приводит следующее тому свидетельство. Он пишет, что Гитлер, столкнувшись с финансовой проблемой в осуществлении своих архитектурных замыслов, сравнил себя с баварским королем Людвигом II:

«Да знай этот министр финансов, какие источники доходов получит государство благодаря моим новостройкам буквально через пятьдесят лет! Ведь как обстояли дела с королем Баварии Людвигом II? Его провозгласили безумным из-за расходов на дворцы и замки. А нынче большая часть приезжих только ради них и посещает Верхнюю Баварию. Да одна лишь плата за вход давным-давно перекрыла все строительные издержки. Как вы думаете? Весь мир будет стекаться в Берлин, чтобы увидеть наши постройки. Американцам достаточно объявить, во что обошлась нам ротонда, мы можем даже прибавить что-нибудь и скажем вместо миллиарда полтора! Такое они просто обязаны увидеть: самое дорогостоящее сооружение в мире!»

Это говорил величайший из модернистов, который родился в год завершения строительства Эйфелевой башни – Гитлер, носивший на лице черную метку модернизма – черный квадрат супрематических усов. Он был прав только в одном: через пятьдесят лет в Германию действительно приезжали, и еще долго будут приезжать люди смотреть на памятники, но не на его и Шпеера, а на поэтические замки Людвига.

Сейчас никто не говорит о том, что он своим строительством разорял Баварию. Доходы от всемирного паломничества к его замкам столь велики, что все неоконченные им

сооружения благоговейно достраиваются и даже возводятся новые. Так для туристов построили театр на воде, где дают мюзикл, посвященный ему.

В год столетия со дня рождения Людвига американцы сбросили на Японию атомные бомбы. В Германии были разбомблены Мюнхен и Нюрнберг, почти полностью уничтожены Дрезден и Кёнигсберг... Плясками смерти заявил о себе расцвет модернизма.

Любивший архитектуру, Иосиф Бродский в нескольких строках сказал об окончании эпохи классики и начале кошмара модернизма, указав на то, что в действительности прячется за этим словом и красивыми обозначениями «конец века» и «Закат Европы»:

У Корбюзье то общее с пилотом,
что оба потрудились от души
над переменной облика Европы.
Что позабудут в ярости циклопы,
то трезво довершат карандаши.

А в замки баварского короля не попала ни одна бомба. Местные жители уверены: от разора их хранит заступничество Людвига.

Уже в наше время потомок миланских герцогов Лукино Висконти снял о Людвиге фильм. В нем образ Людвига далек от подлинного, но фильм все же заставил вспомнить о нем и интеллигенцию. Смрадный дым клеветы, распущенной иллюминациями начинает рассеиваться, издевательский тон при упоминании короля сменился на почтительный. Подобное в истории уже было.

Так и не удалось очернить имя императора Николая II, меняется отношение к Петру III, начинают по достоинству оценивать миссию Павла I. Ложь держится до тех пор, пока правят убийцы. Но во все времена в сердцах простых людей живет светлая память о рыцарях чести, благочестивых монархах.

Поль Верлен посвятил Людвигу II прекрасное стихотворение, Хельмут Домке перевел его на немецкий. Мы также приводим свой вариант, выражая почтение очаровательному романтику на троне:

Sir, единственный на век достойный званья
Рыцарь, с правом на власть Вы покинули мир.
Мщенье? Не прибегу к его горьким лобзаньям
Я, посвященный возвышенных лир.

Расчет убьет поэзию и песни,
Искусство их сольет в божественный эфир.
Итак, во вдохновенном взлете весь Вы,
О, победивший смертью смерть. О браво, Sir!

Вы символ поэта, борец. Королевская кровь
Во время бесчестья, молчания веры, позора,
Что стоит она – только ужин и кров?

Ваш взлет над лебедиными озерами
Причастью красоте наполнит чашу вновь
Мешая с музыкою Вагнера любовь.

Для баварских крестьян Людвиг давно стал местночтимым святым. Есть католическое движение среди баварских роялистов, добывающееся биотефикации короля-страстотерпца. Каждый год в праздник Святой Троицы тысячи людей собираются с

хоругвями на месте гибели Людвига. Большая часовня в византийском стиле построена на берегу Штарнбергского озера, а в воде поставлен крест на месте обретения его тела. В год столетия со дня смерти Людвига II мы посетили это священное для нас место. Как только мы проследовали последним путем короля и оказались на берегу возле церкви, с неба на озеро спустился белый лебедь. Он напоминал прекрасную белую лилию, множившую свое отражение в озере. Лебедь некоторое время скользил по воде вокруг креста и затем улетел. Мы долго смотрели ему в след.

Медведев А., Новиков Т.: Белый лебедь. Король Людвиг II Баварский.
// Новая Академия. СПб. 2002